

Авантюристы на полном скаку

Олаф Бьорн Локнит

Песчаные небеса

«Лениздат»

1996

Локнит О.

Песчаные небеса / О. Локнит — «Лениздат»,
1996 — (Авантюристы на полном скаку)

Туран, Султанапур и окрестности. После долгих лет отсутствия Конан возвращается в Туран с целью взыскать кое-какие старые долги, а также хорошо повеселиться. Ну и повеселились... Зуагиры, чудовища и племя заколдованных гномов-джавидов, которые лезут из кожи вон, дабы заполучить давно потерянное некое сокровище их рода. В игре также принимают участие султанапурский маг, нестандартная зуагирская красотка, гном-полукровка, крутой, как не знаю что, шпион Страбонуса по имени Дагарнус, он же маг-самоучка, содержательница публичного дома мадам Стейна и многие другие. Горы трупов и магических штучек. Сокровище джавидов выполняет любое желание – но только одно!

© Локнит О., 1996

© Лениздат, 1996

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	12
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	19
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	27
ГЛАВА ПЯТАЯ	34
ГЛАВА ШЕСТАЯ	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Олаф Бьорн Локнит

Песчаные небеса

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СЛАВНЫЙ ГОРОД СУЛТАНАПУР

*Посвящается Брайану Дугласу,
без которого не случилось бы
всего этого безобразия...*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Восходящее солнце осветило невысокие предгорья Кезанкийских гор, к подножию которых застывшими желтыми волнами подступала пустыня. Словно сброшенные с вершин рукой неведомого исполина, бесформенные глыбы серого песчаника скатились и замерли, застигнутые врасплох багровым предутренним светом.

Лежащий на земле человек поднял голову, посмотрел на холодное еще светило и, пожившись, плотнее закутался в шкуру добытого им не так давно горного льва. Поворочавшись еще немного, он, поднялся, сбросил шкуру и сделал несколько резких, круговых движений руками, согреваясь и прогоняя остатки сна.

По виду это был, скорее всего, северянин. Его происхождение выдавало лицо – скуластое, с жесткими чертами, точно вырубленными из камня смелой рукой резчика. Прямой нос, синие глаза, тонкая, слегка изогнутая книзу линия губ и относительно светлая кожа говорили за то, что родом он был из варварских стран: Киммерии или Ванакхайма. Его плотно сбитую, мускулистую фигуру облегал кожана безрукавка; не стеснявшие движений штаны из легкой замши были заправлены в прочные, добротные сапоги из грубой кожи. На плечах и груди к безрукавке были приклепаны металлические пластины с незамысловатой чеканкой. Весь внешний вид его наводил на мысль о том, что северянин был связан с военным делом. Искушенный наблюдатель угадал бы в этом человеке опытного воина по тому, как легко он был вооружен, оказавшись в этих беспокойных местах – рядом с небрежно брошенной львиной шкурой в простых ножнах покоился меч, достаточно большой, чтобы использоваться как двуручный, и для рослого варвара не слишком тяжелый. Чуть поодаль лежал тощий дорожный мешок, и никакого другого оружия или экипировки не было.

Немного согревшись и размяв онемевшие от ночного холода мышцы, воин огляделся. Желтовато-коричневые скалы Кезанкии остались у него за спиной, и теперь стоило лишь спуститься с пологих предгорных холмов, чтобы под ногами оказался не камень, а мягкий сыпучий песок пустыни, тянувшейся до самого Султанапура. Вспомнив о том, как сильно нагреваются к полудню барханы, северянин поморщился – хорошо сапоги на ногах, а то не избежать бы ожогов на ступнях. А если б еще лошадь была! Но она осталась далеко позади, на месте схватки с горным львом, когда могучий хищник сумел подобраться к месту предыдущей ночевки, не разбудив спавшего чутким сном путника, и одним ударом огромной лапой сломал несчастной лошади хребет. Проснувшись от отчаянного ржания умирающего животного, северянин вскочил, выхватил меч и после короткой битвы с раззадоренным запахом крови и недовольным внезапной помехой львом, обзавелся новым плащом, освеживав тушу тут же, при ярком свете луны.

Внимательный взгляд воина скользнул по равнинам, без труда различая выбивающиеся из общего однообразия детали: чуть правее двигался караван, справа угадывалась пыльная зелень далекого оазиса; на самом горизонте едва виднелось белесое облачко – Султанапур, а еще дальше наливалась синью дымка над Внутренним Морем. Он рассчитывал сегодня, еще засветло, добраться до Султанапура, пусть до города и было не меньше трех-четырёх лиг. После долгого перехода по изрезанным ущельями и пропастями кряжам, короткий бросок по простершимся от подножий гор до моря Вилайет пескам не представлялся ему чрезмерно трудным или утомительным, хотя эти лиги и пролегали через песчаные барханы, где ходят одни полудикие кочевники да стада верблюдов.

Восточные склоны Кезанкийских гор, служившие границей империи Туран и Великих Пустынь, издавна считались местом недобрым. Туранцы старались избегать мертвых гор, преграждавших дорогу к Бритунии и Немедии. Обычно караваны из Султанапура должны были преодолеть вначале Хауран, затем Карпашские горы, чтобы доставить в немедийские города восхитительное оружие из Вендии и изделия мастеров Шангара и Хоарезма. Многие торговцы жаждали найти более короткий и безопасный путь, нежели тот, по которому всегда ходили в западные страны, и, нанимая добровольных разведчиков, отправляли их на поиски новых перевалов к западу от Султанапура. Не все добровольцы возвращались, а те, кому удавалось выжить в безводных и кишасих нечистью кручах Кезанкии, приходя назад, рассказывали всяческие ужасы об обитателях гор.

Человека нанял в немедийском городе Бельверус купец из Султанапура Маджид, желавший по примеру многочисленных своих собратьев по ремеслу рискнуть десятком-другим золотых монет (а заодно и жизнью незадачливого искателя приключений) в обмен на сулившую большие выгоды возможность открыть новый проход в разделяющих государства Востока и Запада горах. Известные перевалы были заброшены уже не один год, ибо проводники отказывались вести караваны, ссылаясь на слухи о расплодившихся там в последнее время нелюдях. А если вспомнить, что два обоза купца Иераха исчезли в Кезанкии бесследно, да еще добавить к тому рассказы эмирских стражников, что охраняли медные рудники, о еженощно пропадающих в копиях узниках, то становилось ясно – либо надо искать новые и безопасные пути либо терять многие недели (и, конечно, порядочно денег, уходящих на пограничные пошлины), огибая зловещие перевалы, пусть и дальней, но зато спокойной дорогой с юга.

Приняв предложение купца, северный варвар направился на восток и, собирая в предгорных деревушках Бритунии сведения о почти забытых тропах, все же нашел сравнительно удобную дорогу к крупнейшему из городов туранского севера. Теперь он был уверен, что байки о всяческих непотребных тварях и жутких чудищах, если уж не целиком выдуманы, то, по меньшей мере, преувеличены – из опасных врагов на пути встретился разве что горный лев... Назвать же клыкастую большую кошку невиданным монстром могли только трусливые стражники рудников, мужества и отваги которых хватало только на пьяные драки в грязных чайханах Нижнего Султанапура да на истязания беззащитных узников. Однако нанятого купцом разведчика насторожило кое-что увиденное. Не раз и не два по дороге встречались выбеленные солнцем человеческие скелеты, а в самом сердце гор он наткнулся на огромную груду людских и верблюжьих костей, окруженную разбитыми повозками. Скорее всего, это и был один из сгинувших караванов Иераха, о котором он наслушался еще в Немедии.

Как бы то ни было, но на взгляд северянина, разведанная им дорога не представляла собой опасности, и теперь он спешил в Султанапур, надеясь застать в городе своего нанимателя, чтобы получить причитающуюся по уговору вторую половину денег, а затем провести караван купца через заново открытый перевал.

Места эти были знакомы путнику. Несколько лет назад ему пришлось бежать из Турана, оставив в землях империи не слишком добрую память о себе. Будучи наемником в армии царя Илдиза, молодой и пылкий парень сумел рассориться с одним из высоких чинов туранского

войска. Предметом раздора, как водится, была женщина, и юный наемник пускай и добился своего в делах сердечных, но, подняв руку на начальника, потерял возможность сделать военную карьеру, а заодно едва не распрощался с жизнью.

За годы, проведенные в странствиях по миру, он перепробовал множество занятий – от телохранителя хауранской аристократки до наемника в Боссонских топях. Ему так же довелось учиться воровскому ремеслу и прослыть в некоторых местах отъявленным грабителем и вором, место которому, самое меньшее, на виселице.

Предложение султанапурского купца он принял только потому, что дело показалось стоящим – помимо неплохого приработка, оно сулило жаждавшему новых приключений варвару несколько насыщенных событиями недель, а заодно давало достойный повод скрыться из Немедии, где достаточно много людей, и в их числе законники короля, весьма желали с ним повстречаться... Кроме того, злопамятный северянин немного надеялся встретить в Туране кое-кого из старых знакомых, повинных в том, что годы, минувшие со дня бегства из королевства, прошли не совсем так, как он надеялся, записываясь в войско властителя Турана.

Варвар вытащил из дорожного мешка несколько сухарей и кусок сушеного мяса и, расправив лежащую на земле львиную шкуру, уселся, намереваясь подкрепиться перед долгим переходом. Во фляге еще оставалось немного мутной воды, набранной в пересыхающей речушке неподалеку от главного Кезанкийского хребта. Поболтав в руке купленный в бритунском селении по ту сторону гор медный сосуд, сейчас покрывшийся серовато-зеленым налетом и помятый в нескольких местах, человек прикинул, хватит ли воды на весь день. Вздохнув, он понял, что последние мили, оставшиеся до Султанапура, ему придется идти под палящими лучами, не имея ни капли спасительной жидкости, ибо на весь день того, что плескалось сейчас во фляге, явно не хватит.

Раздумывая, как можно растянуть остатки воды на полный день, варвар снова глянул вниз, на пески. Караван, еще совсем недавно казавшийся далеким миражом, приблизился к предгорьям настолько, что стали различимы даже узоры на темно-синих одеяниях едущих на верблюдах всадников и складки их тюрбанов. Но варвара меньше всего интересовало, во что были одеты зуагиры – его вниманием полностью завладели привязанные к бокам верблюдов бурдюки. Вода! Вот и выход.

“Не сомневаюсь, что эти поганцы, жадные, как и все жители востока, сдерут с меня за несколько капель воды столько же, сколько в трактирах Немедии берут за кувшин сладкого красного вина! – подумал он. – Ну, и Сет с ними! По крайней мере, хоть от жажды не подохну.”

Он залпом выпил все, что оставалось во фляге, позабыв, однако, что кочевники обычно не привечают чужаков и могут вообще отказать в просьбе, сколько бы золота им не предлагалось. Впрочем, в таких случаях, северянин обычно добивался желаемого при помощи своего меча, перед которым легкие сабли зуагиров показались бы попросту детскими игрушками.

Решившись, человек быстро засунул в мешок остатки еды и пустую флягу, укрепил на плечах львиную шкуру, завязав в узел передние лапы зверя, и, нимало не заботясь о том, что его необычная для здешних краев внешность да одежда еще больше насторожат кочевников, быстрым шагом стал спускаться по каменистому склону, направляясь к нескольким десяткам верблюдов и их хозяевам-странникам.

Когда он уже был готов спрыгнуть с последнего невысокого уступа на песок, внимание путника привлекли внезапно раздавшиеся впереди крики людей и жалобный рев одного из верблюдов, который вдруг завалился на бок и забился, тщетно пытаясь вновь подняться на ноги. Северянин приостановился, с интересом наблюдая за происходящим. Столь незначительное происшествие – подумаешь, верблюд упал – вызвало среди кочевников чудовищную панику: люди с воплями разбежались в разные стороны от поднявшегося над несчастным животным облака пыли, бросив на произвол судьбы и имущество, и своего сородича, ехавшего на горбатом звере, с которым сейчас творилось явно что-то нехорошее. Но этим все не кончилось.

Одновременно, еще с полдюжины верблюдов рухнули на песок, и сразу же вокруг них закрутились пыльные вихри, а мгновение спустя глазам наблюдавшего за непонятными событиями варвара открылось жутковатое зрелище. Одетый в темно-синий аграпурский халат зуагир, спасаясь от таинственной опасности бежал прямо туда, где на скальных обломках стоял северянин. Неожиданно казавшийся надежной опорой песок разверзся прямо под ногами бежавшего, и из образовавшейся воронки взметнулось гибкое, длинное щупальце, заканчивающееся неким подобием клешни, с той лишь разницей, что вместо двух сочленений оно имело три коротких пальца с острыми коготками на концах, а меж ними виднелся желтый глаз с узким, похожим на змеиный, зрачком. Почти сливавшаяся по цвету с песком конечность неведомого чудовища рванулась к зуагиру, он, сделав отчаянный прыжок, увернулся, но лишь для того, чтобы сразу упасть, наступив на полу своего длинного халата. В тот же миг трехпалая клешня намертво вцепилась в его одежду, а затем щупальце, вытягиваясь из воронки, начало, наподобие веревки, обвивать ноги истошно взывающего о помощи человека.

– Так недолго и без воды остаться! – пробурчал под нос темноволосый варвар. – Интересно, что это за тварь? Никогда таких не видел...

Человек выхватил из-за спины длинный меч, который не раз выручал его во многих переделках, и молча бросился вперед. Достигнув в несколько прыжков опутанного гибкой конечностью подземной твари кочевника, он сплеча рубанул по отвратительно извивающемуся, напоминающему толстого червя, щупальцу в том месте, где оно высывалось из песчаного углубления. Даже могучей силы северянина не хватило на то, чтобы перерубить его сразу, и варвар, грозно рыкнув, вновь занес меч, вкладывая в следующий удар всю мощь, на которую были способны его железные мышцы. На этот раз меч вошел в плоть песчаной твари и рассек ее. Обрубок начал быстро втягиваться в воронку, оставляя на песке странную, молочно-белую жижу, пахнущую чем-то, напоминающим пещерную плесень, встречающуюся в горах Киммерии. Бегло оглядев кочевника, судорожно сдиравшего с себя желтоватую плоть, которая продолжала бессильно подергиваться, шелкая коготками на конце трехпалой клешни, северянин решил, что здесь его помощь более не требуется и побежал туда, где выпрастывающиеся из барханов щупальца продолжали разгром каравана.

Как всегда, молодой варвар кинулся в бой, не раздумывая – он даже толком не представлял себе, с кем именно нынче пришлось схватиться. Метясь меж захваченными в цепкие объятия монстра людьми и животными, он перерубал одну за другой десятки живых веревок, упорно не желавших расставаться с добычей. Краем глаза варвар заметил, что теперь не один – несколько опомнившихся от внезапного нападения кочевников, выхватив узкие, изогнутые сабли, отчаянно отбивали своих товарищей, неистово кромсая на куски кошмарные отростки скрывающегося под слоем песка чудовища.

Надрывные крики женщин, визг детей, громкий верблюжий рев, вздымающиеся в воздух столбы песка и пыли обратили мирно просыпавшуюся пустыню в подобие кошмарного сна, но весь ужас был еще впереди. Когда, казалось, битва с неизвестным врагом подходила к концу, ибо северянин с помощью десятка зуагиров отбил у щупалец всех людей, которых они еще не успели затянуть в песок, в нескольких шагах от варвара земля забурилась, к небесам рванулся пылевой вихрь, оседающая тончайшим слоем на одежде оцепеневших кочевников. Едва облако рассеялось, стало видно, что совсем рядом в песке образовалась огромная, не меньше сорока шагов в диаметре, воронка, на дне которой шевелилось создание, от одного взгляда на которое хотелось бежать без оглядки до тех пор, пока есть силы и бьется сердце.

– Песчаный равах!!!

Чей-то сдавленный крик разорвал повисшую вокруг воронки тишину, и, словно в ответ, послышалось леденящее кровь шипение существа, названного равахом.

– Великий Кром, это что еще за?... – северянин запнулся, подыскивая эпитет для не виданного им доселе монстра, но ничего подходящего не нашел. Зато возникло желание уносить

отсюда ноги да побыстрее. Мало того, что этот самый равах размерами превосходил того же горного льва, по меньшей мере, вчетверо, так еще и выглядел на удивление отвратно.

– Ничего себе, сходил за водичкой!.. – усмехнувшись над самим собой, пробормотал варвар. – Но пить-то я все равно захочу...

Толстое, в три обхвата, тело раваха поднималось из воронки подобно кобре, готовящейся к нападению, только вот змею жуткое существо напоминало лишь отдаленно. Висящие складки буровой, бугристой кожи мерно колыхались при тяжелых движениях гигантского червя. Конусообразная, безглазая голова медленно поворачивалась, будто принохиваясь в попытке отыскать того, кто осмелился помешать владыке песков в его охоте. В темной щели рта угадывались несколько рядов мелких игольчатых зубов, волнообразно двигавшихся вправо-влево, наподобие громадной терки, и готовых перемолоть в кашу любого, кто попадется на пути. Можно было ясно различить свисавшие с углов рта клочья верблюжьих шкур с остатками кроваво-красного мяса, а морда твари была вымазана смесью песка и крови. Вокруг пасти извивались десятки тех самых щупалец, которые он выпускал наружу, прячась в песке. Самые крупные отростки имели, кроме когтистых клешней, уже виденные северянином золотистые глаза – оно и понятно, раваху, обитавшему под землей, органы зрения нужны были только для того, чтобы искать добычу. Затем в дело вступали слепые, но более сильные щупальца, подтягивавшие жертву к зубастой пасти раваха, который появлялся на поверхности только в исключительных случаях.

Как, например, сегодня.

Варвар оглянулся, отметив про себя, что попросту остался один на один с равахом – только что мужественно освобождавшие своих соплеменников от смертельной хватки червя зуагиры с воплями ужаса бежали прочь от места, где из песка показался хищный монстр. И сейчас равах нацеливался на стоявшего перед ним человека, причинившего ему в этот день неприятностей вдвое больше тех, что выпали за столетия, пролетевшие со дня первой охоты...

Северянин поднял меч и медленно двинулся в сторону гиганта. С быстротой, которой варвар не ожидал от столь огромного существа, равах кинулся на него, стремясь оплести щупальцами и обездвижить. По-кошачьи извернувшись, человек избежал смертельных объятий, взмахом клинка отхватив несколько отростков. Равах отпрянул, втянув в себя многочисленные трехпалые руки, изогнувшись, поднял кверху заостренную голову и испустил дерущее слух свистящее шипение. А в следующий момент разъяренный червь пустыни, решив покончить с жалкой козявкой одним стремительным ударом, рванулся вперед, на мгновение завис в воздухе, а затем обрушился всей тяжестью могучего тела на варвара, рассчитывая раздавить его в лепешку. Человек уже прощался с жизнью, инстинктивно отскакивая назад и прекрасно понимая, что даже с его ловкостью и быстротой увернуться от падающего туловища огромной твари не удастся. Спасла ли варвару жизнь случайность, или же обострившаяся до предела жажда бытия, он даже сам не понял – в следующее мгновение, споткнувшись о брошенный в панике зуагирами мешок с каким-то добром, он упал на спину, выставил перед собой меч и, отведя в сторону от своего тела рукоять, ткнул ее в песок.

Если бы острое клинка не вонзилось в грубую кожу раваха по меньшей мере на две трети, и, отдернувшись от резкой боли, чудовище бы не выгнулось дугой, вырвав из ладоней северянина рукоять меча, варвара ждал печальный конец. Но когда монстр, шипя, как тысяча разъяренных змей, вскинулся, почувствовав в собственной плоти холодную сталь, варвар откатился в сторону, а равах рухнул на то же место, вогнав в себя меч по самую гарду.

Человек быстро отполз в сторону от бьющегося в агонии чудовища, встал на ноги и, отряхнув налипшие на вспотевшее лицо песчинки, стал ждать. Равах свивался кольцом, поднимая в воздух тучи пыли, подобно гигантской плети, бился среди барханов, исходя жалобным свистом. Из его бездонной пасти хлынул поток той самой белесой мерзости, которая, как видно, была его кровью. Постепенно движения червя становились все более редкими и слабыми,

прокатывающиеся по щупальцам волны судорог затихали, еще немного – и равах, вздрогнув последний раз, безжизненно вытянулся и обмяк. Все было кончено.

– И как это у меня получилось, сам не знаю... – хрипло прогудел северянин. Еще некоторое время он постоял, наклонив голову на бок, рассматривая теперь уже безвредного червя пустыни, а затем решительно направился к простертому телу поверженного противника. Преодолевая несносную вонь, исходившую от все еще вытекавшей из пасти раваха “крови”, человек обследовал огромную тушу, надеясь, что его меч не зажат между ней и песком – в таком случае вытащить клинок без чьей-либо помощи не представлялось возможным. По счастью, он обнаружил свое оружие довольно скоро – отполированная ладонями рукоять торчала из грязно-желтого, ребристого брюха. Несколько раз безуспешно попытавшись выдернуть меч, северянин уперся в тело червя ногой, ухватил гарду обеими руками и с большим трудом все-таки вытянул клинок, покрытый сероватой слизью. Взглянув на ощеренную пасть монстра, человек внимательно осмотрел ряды острых клыков, между которых застряли лохмотья верблюжьей шерсти, а кое-где даже клочки синей и белой ткани, совсем недавно еще бывшей чьим-то одеянием. Отбив острием меча с полдюжину самых крупных зубов, северянин ссыпал их в кожаный мешочек, висевший у пояса. Затем он тщательно очистил лезвие от песка, и, поймав зеркальной гладью стали солнечный луч, удовлетворенно пробурчал:

– Так-то лучше будет. А теперь я хочу пить еще сильнее, чем раньше. Ну-ка посмотрим...

Вокруг были разбросаны свалившиеся со схваченных равахом верблюдов туки, а среди них виднелись и несколько надутых бурдюков, явно полных воды. Подняв один из них, северянин удовлетворенно хмыкнул.

– Ну вот, теперь можно и до Султанапура добраться.

Порыскав среди барханов, он отыскал полузатопанную в песок львиную шкуру и свою запыленную дорожную суму. Вытащив из нее флягу, он вернулся к оставленному подле мертвого раваха бурдюку с водой, развязав горловину, стянутую ремешком, поднял кожаное ведро с булькавшей в нем жидкостью и хлебнул.

– Тьфу, пропасть!

Бурдюк оказался наполнен вовсе не водой, а любимым пойлом кочевников – перебродившим верблюжьим кумысом, который они почитали за напиток, многократно превосходящий лучшие вина Коринфии как по вкусу, так и по опьяняющим свойствам. Но, с точки зрения северянина, употреблять эту гадость могли только привычные к ней зуагиры или законченные пьяницы, которым все равно, что лить в глотку. К первым он себя точно не относил, а вот до состояния вторых пока ещё не опустился. Поэтому он с отвращением выплюнул пахнущую верблюжьим навозом светлую жидкость, и, завязав бурдюк, швырнул его на песок. Но надежда отыскать емкость с водой все же не покинула его. После непродолжительных поисков обнаружить таковую удалось, фляга оказалась наполненной, и варвар уже собрался было отправиться в путь. Но добраться в Султанапур без дальнейших приключений ему не удалось.

– Явились... Долго ж они прятались, шакалы трусливые.

Разбежавшиеся от места поединка северянина с равахом кочевники теперь осторожно приближались к одинокому герою, всё ещё не веря, что плотоядная гадина погибла, а её победитель остался цел и невредим.

Впереди, прихрамывая, семенил человек, показавшийся варвару странно знакомым. Вглядевшись в лицо и одежду зуагира, он вспомнил, что это тот самый кочевник, который был спасен первым. Невысокого пожилого человека с остренькой седой бородкой, узенькими глазками и очень загорелой, морщинистой кожей поддерживали с двух сторон под руки двое мужчин помоложе и покрупнее, облаченные в похожие темно-синие халаты и неправдоподобно белые тюрбаны, а один из белых лоскутов, свисавших по боку тюрбана закрывал их лица до самых глаз. Наверное, охрана, а этот старикашка, скорее всего, либо вождь, либо один из старейшин племени. А вот за ним... Почитай, весь род спешил засвидетельствовать свою безмер-

ную благодарность неожиданному избавителю от напасти, и северянин понял, что сейчас восторженный пыл кочевников сможет охладить только чувство почтения к старейшине, иначе жизнь победителя окажется под не меньшей угрозой, чем во время схватки с равахом. Поэтому пришлось в нарушение восточных правил учтивости заговорить со стариком первому:

– Я тут у вас... э... водички немного взял... Надеюсь, вы не в обиде? – человек указал глазами на лежащий у его ног бурдюк, но ответная речь старика привела варвара в замешательство.

– О, ты, могучий воитель, в коем доблесть и мужество сочетаются как хоарезмский алмаз с оправой из иранистанского белого золота!.. – северянин аж отступил на шаг от столь напыщенного приветствия, но во время вспомнил, что здесь восток все таки, а не сдержанный север. А старейшина, не обращая внимания на выражение лица “могучего воителя”, продолжал:

– О, благороднейший из благородных и отважнейший из отважных, да благословит тебя всемогущая судьба!..

Варвар сделал еще один шаг назад.

– О ты, блистающий великолепием и мощью чужестранец, да не покроется ржавчиной острое твоего клинка и да будет оно щедро напоено кровью твоих недругов!..

“И на кой ... я во все это ввязался? – слегка оторопев, подумал варвар. – Ведь затопчут. Как пить дать, затопчут! Или заговорят до смерти.”

Пятясь, он отошел еще на несколько шагов, едва не упершись спиной в тушу ставшего виновником его теперешних мучений раваха. Старец продолжал напирать, оглашая пески своей громкой изысканной речью. Под удивленным взглядом синих глаз северянина, старикан, в конце концов, бухнулся на колени, не уставая говорить о “сияющем подобно солнцу, луне и звездам дивном воителе”, избавившем род Джагула аль-Баргэми от «премерзостного песчаного раваха, который своим злонравием, хищностью и прожорливостью уподобился кобре, горному льву и гиене, слитым в единый облик и раздувшимся стократно.”

– ... Назови же нам имя свое, о посланный небом воин, – закончил старец, которого, надо полагать и звали Джагулом аль-Баргэми, и воззрился на возвышавшуюся перед ним мощную фигуру чужеземца, – дабы знали мы, чье имя следует превозносить к небесам в благодарственных молитвах!

– Имя?.. Мое, что ли?.. – переспросил окончательно сбитый с толку северянин. – Если мое, то меня зовут Конан, а родом я из Киммерии.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Само собой, попасть в Султанапур этим же днем Конану было не суждено. Кочевники не пожелали отпускать так быстро своего спасителя, а отказаться от их гостеприимства варвар не решился.

“Лишний день или два ничего не решат, а вот отдохнуть после тяжелого перехода через Кезанкийские горы не помешало бы, – подумал Конан, после того, как Джагул, оказавшийся шейхом клана аль-Баргэми, пригласил его в свою небольшую крепость, примостившуюся у подножий одного из горных кряжей на самой границе с пустыней. – Очень надеюсь, что у зуагиров найдется что-нибудь получше кумыса. Должны же они держать хоть какой-то запас вин для гостей...”

До поселка было совсем не далеко – не больше полулиги. Поскольку большинство верблюдов погибло, на оставшихся в живых животных посадили женщин и детей, а мужчины, взвалив на себя остатки поклажи, двинулись вслед за мерно ступающими по накалившемуся песку зверями. Сам шейх Джагул восседал на идущем впереди верблюде, а рядом с ним, неловко цепляясь за мохнатый горб, раскачивался “спаситель и избавитель”, которого, несмотря на все его протесты, по приказу шейха усадили на единственного верблюда-альбиноса. По дороге Джагул без умолку рассказывал Конану о жите-бытье своего народа, искренне полагая, что варвару из далекой северной страны это крайне интересно, тогда как киммериец, в основном, думал о том, насколько же неудобно сидеть на жесткой спине проклятушей твари, и диву давался, как кочевники могут месяцами не слезать с верблюдов.

Однако кое-что из рассказа Джагула заинтересовало Конана. Выяснилось, что род старого шейха давно перестал быть кочевым и осел в небольшом оазисе, который был обязан своим существованием маленькой, но никогда не пересыхающей горной речке. Сейчас шейх со своими приближенными и кровными родственниками возвращался из Султанапура к себе в крепость. Проведя несколько дней в городе, Джагул аль-Баргэми продал через казначея намываемые в той же речке самоцветы, что приносили богатство его семье, а заодно и побывал на празднике, устроенном эмиром султанапурским в честь женитьбы старшего сына на принцессе из Заморы. Чтобы вежливо оборвать нескончаемое описание торжества во дворце “солнцеликого эмира”, Конану пришлось задать давно вертевшийся на языке вопрос:

– А этот, ну, которого я... это... Он кто?

Старец примолк, соображая, что именно северянин имел в виду, а потом осторожно переспросил:

– Что хочет узнать наш могучий гость от своего вечного должника?

– Ну, про руваха, или как его там... Что это было?

– А-а-а! – просиял шейх. – Равах – мерзостная тварь, встречающаяся редко, но всегда приносящая разорение и смерть каждому, кто окажется у нее на пути. Живет равах глубоко в песке, прорывая там длинные ходы, которые не обваливаются от того, что стены их скреплены его ядовитой слюной. Обычно червь лежит, затаившись, и слушает, что делается над ним, на поверхности. Заслышав шаги людей или верблюдов, равах исторгает из глубин песка пустыни свои всевидящие руки, и нет спасения тому, кого схватят они и потащат под землю, в его логово, где червь поедает их, не оставляя даже одежды или шкур.

– А ты откуда про это знаешь? – удивился Конан.

– Крепость Баргэми построена как раз над одним из таких обиталищ, давно брошенных хозяином. Мы завалили все выходы в дальние коридоры, уходящие под горы или в пустыню, а в самых старых подземельях раваха устроили сокровищницы, – пояснил старик.

– А не боишься, что он вернется?

– Нет, – покачал головой шейх. – Древних чудовищ осталось совсем немного. Мудрецы говорят, что их всего шесть... Хотя, после сегодняшнего восхода, их, стало быть, осталось пять. В старину их тоже было мало, и на бой с равахом мог выйти лишь воитель, отмеченный печатью Кемоша. Избранный. Каждого такого воина любое колено нашего народа с радостью могло принять в семью, из каких бы краев не происходил победитель червя пустыни.

В этот момент Джагул многозначительно посмотрел на Конана, но киммериец не обратил на это никакого внимания.

– А кто эти люди, которые идут с тобой? – задал новый вопрос северянин, опасаясь, что шейх опять примется восхвалять “отмеченного печатью Кемоша”.

– О, здесь несколько моих жен с детьми. Правда, две жены были сегодня пожраны равахом, но, к счастью, это не были любимые жены... Конечно же со мной путешествуют воины стражи, трое племянников с женами и слугами, мой троюродный брат Джабал и его семья... – речь шейха вновь перестала быть интересной для Конана, но что делать с таким словесным потоком, варвар не знал, и поэтому продолжал молча выслушивать казавшийся бесконечным перечень родственников Джагула, которых старик вывез из уединенного оазиса посмотреть шумный Султанапур. Еще киммерийца радовало, что учтивый шейх не стал интересоваться его прошлым и выяснять, что же делает северянин в пустынях востока.

Наконец, впереди показалась крепостная стена, сложенная из грубого серого песчаника, за которой скрылся оазис Баргэми. Крепость охватывала неполным четырехугольником подошву могучего утеса, с которого, сверкая мелкими брызгами, стремительно скатывалась узкая речушка. Шейх не преминул сообщить, что воды потока собираются в озерцо внутри крепости, а их избыток теряется в необозримых просторах песков.

Пропуская мимо ушей речи старца, Конан рассматривал приближающиеся ворота. Окованные узорчатыми металлическими полосами деревянные створки были нешироки, всего-то локтей шесть или семь. Снаружи остатки разгромленного равахом каравана встретили шестеро стражников, сжимавших в руках длинные, увенчанные бунчуками копья. Старший зуагирский воин, увидев на переднем верблюде своего шейха, подбежал к нему и упал перед верблюдом повелителя в пыль. Шейх Джагул, сунув ладонь за пазуху, вынул золотую монету, бросил ее в песок перед стражником, и милостиво проговорил:

– Самил, вот тебе за верность... Все ли было спокойно в мое отсутствие? Не беспокоили ли дом наш проклятые джавиды, да обрушится на них гнев Кемоша, и да отсохнут их вислые уши?! И не вернулся ли сын и наследник наш Джафир из крепости младшего брата нашего?

– В Баргэми все спокойно, о владыка, да продлятся бессчетно годы твои! Дом предков ждет тебя с нетерпением. А Джафир с гонцом прислал весть, что вернется в домой лишь завтра, – Самил еще раз преклонил голову, едва не коснувшись лбом песка и спросил: – Ровным ли был путь под ногами твоих верблюдов и приветливо ли встретил тебя царственный эмир?

Старец нахмурился, бросил взгляд на Конана, и коротко ответил:

– Об этом потом, Самил. Беги, скажи, чтобы подготовили покои – у нас гость, и непростой...

Самил мельком взглянул на восседающего на почетном белом верблюде рослого северянина, и Конан уловил в глазах зуагира некоторую настороженность. Однако начальник стражи не позволил себе излишнего любопытства и, еще раз склонившись перед шейхом, опрометью бросился в широко раскрывшиеся ворота.

Когда верблюды медленно прошествовали внутрь крепости, глазам Конана предстала весьма живописная картина. Он увидел беспорядочно расположенные одноэтажные глинобитные домишки с маленькими, кривыми окошками, укрытые пожелтевшими, сухими пальмовыми листьями. А над жилищами простых людей возвышались узкие остроконечные башенки, прилепившиеся к углам трехэтажного, серовато-бежевого квадратного здания, окруженного

на удивление пышным садом, какого не встретишь нигде более в разбросанных по туранской пустыне оазисах.

Конан невольно залюбовался открывшимся видом – за долгое путешествие через горы и пустыни, глаз отвык от такого буйства зелени, наблюдая лишь невзрачный песчаник, бесцветные, сухие пустынные растеньица да блеклое небо над раскаленными солнцем горами.

Вскоре верблюды со всадниками на спинах приблизились к стенам дворца шейха, и Конан слегка скривил губы в презрительной ухмылке. Сей “дворец”, больше похожий, по мнению Конана, на захудалый дом терпимости где-нибудь на окраинах немедийской столицы, не произвел на киммерийца должного впечатления. Сложенный из грубо отесанных известняковых плит без привычной на востоке изящной отделки, квадратный, неказистый дом лишь привыкшие к однообразию и редко видящие что-либо истинно прекрасное зуагиры могли считать “дворцом шейха”.

Очутившись в маленьком дворике, путники сошли с усталых верблюдов, их тотчас же окружила толпа жен владыки Баргэми, оставшихся дома, слуг, приближенных и прочих домоладцев. Животных немедленно увели, а вновь прибывших, и в числе Конана, как почетного гостя шейха, усадили на мраморный поребрик – по древнему обычаю кочевников вернувшимся из странствия полагалось омыть ноги. Киммерийцу была оказана великая честь – по приказу Джагула, его старшая жена собственноручно провела обряд, но киммериец, не видя лица женщины, скрытого покрывалом, догадался, глядя на ее изрезанные морщинами руки, что старшая жена явно ровесница самого Джагула, и загоревшийся поначалу в его глазах интерес пропал, как вода, пролитая на песок.

После омовения долгожданных гостей повели во внутренние покои дворца. Едва оказавшись там, северянин резко изменил свое отношение к жилищу Джагула аль-Баргэми. Полы устилала великолепные пунтские ковры ручной работы, повсюду были разбросаны шелковые кхитайские подушки, расшитые сложными узорами и изображениями диковинных животных и птиц. Стены тоже были увешаны коврами и отлично выделанными шкурами тигров и горных львов. Краем глаза глянув на облекавшую его плечи шкуру, затоптанную во время сражения с равахом и уже начинавшую пахнуть гнилью по причине дурной выделки (Конан попросту разложил ее на солнцепеке, после того, как убитый им лев был освежеван), северянин подумал, что было бы неплохо получить в подарок одну из роскошных шкур, что так щедро украшали стены дворца шейха. Стоило варвару заикнуться об этом, как тотчас же ему подали роскошную накидку из меха леопарда, отливавшую муаровыми черными пятнами на золотистом фоне, а безобразное, хоть и добытое с немалым трудом, одеяние с легким сожалением пришлось отдать расторопным слугам.

Из низкой дверцы одного из боковых покоев показался шейх, который за время, пока Конан осматривался и любовался новым плащом, успел переодеться и смыть с лица дорожную пыль. Подойдя к киммерийцу, Джагул почтительно-сдержанным тоном сообщил, что уважаемый гость может пройти в трапезную и утолить голод скромными дарами скудной земли Турана, после чего можно будет совершить небольшую прогулку и осмотреть дворцовый сад. Конан согласился и проследовал за Джагулом в пиршественный зал, где взорам его предстало множество изысканнейших блюд в серебряной чеканной посуде, стоявшей прямо на ковре. Джагул провел Конана к почетному месту справа от небольшого возвышения, на котором должен сидеть хозяин дома. Тут Конан почувствовал, как у него засосало под ложечкой. Усевшись на подушки, он обозрел “скромные дары”, оказавшиеся весьма обильными и разнообразными.

Молодой барашек с долькой апельсина во рту, коричневый, лоснящийся поджаристой корочкой, возлежал на огромном блюде подле влажных от вина и сладкого маринада телячьих окороков, нашпигованных бусинами чеснока и круглыми семенами кориандра; горы риса, приправленного шафраном, желтели подобно восходящей луне; жареный миндаль, грецкие орехи, мелкий виноград с сизоватым налетом, изломанные корни имбиря, апельсиновые и лимонные

цукаты, овсяные лепешки, с блестками кристаллов соли, множество маленьких, приземистых вазочек, наполненных разноцветными соусами и всякими пряностями, – от этого немислимого для северного варвара изобилия рябило в глазах.

А вина!.. Конан сглотнул слюну, глядя на бесчисленные кувшины, усеявшие пол зала. Мускатные, сладкие, горькие, выдержанные не одно десятилетие в винных погребах и молодые, еще пахнущие свежесрезанной виноградной лозой, напитки так и манили отведать их великолепного букета.

– А я просто хотел попросить у них воды... – изумленно пробормотал Конан и, устроившись поудобнее, приготовился приступить к трапезе.

Но перед тем, как приближенные шейха начали расправляться с, казалось бы, неисчерпаемым запасом яств, Джагул аль-Баргэми поднялся и, поклонившись гостю, сказал следующие слова:

– О, доблестные мужи и умудренные годами старцы – мои сыновья и братья, о правдивые и преданные советники мои, о верные мои слуги и неусыпная стража, дальние и ближние родичи! Рядом со мной, на почетнейшем месте, восседает наш гость – посланный самим Кемешем для спасения жизни нашей, великий герой, именующий себя Конаном Киммерийским. Высшие силы снизошли к мольбам, и в час бедствия, постигшего род наш, привели мужа сего туда, где ныне покоилась бы тленная плоть шейха вашего, равно как и тех, кто был с ним...

Далее последовало длиннейшее и расцвеченное зачастую не совсем достоверными подробностями описание нападения раваха на караван шейха и последующая битва песчаного червя с героем из далекой Киммерии. Говорил Джагул невероятно долго, а потому, что никто не смел прикоснуться к пище, пока владыка оазиса не закончил, Конана терзали муки голода, многократно усиленные соблазнительными ароматами, исходившими от блюд, до которых следовало только лишь дотянуться, но проклятый восточный этикет (а нарушение его считалось у зуагиров неслыханным оскорблением), не позволял сделать это. И когда шейх, наконец, умолк, пригубив вина, и дав тем знак к началу торжественной и одновременно поминальной трапезы, Конан ухватил румяный и сочный телячий окорочок и, вцепившись в него зубами, тотчас же забыл обо всем.

Трапеза окончилась, когда солнце уже почти исчезло за острыми вершинами Кезанкии, и Конан подумал, что для того, чтобы подняться на ноги ему сейчас потребуются недюжинные усилия – *столько* он не ел никогда. В то же время шейх продолжал настаивать, дабы гость отведал еще что-нибудь. Ну, к примеру вот эту удивительно редкую на столе зуагиров кефаль, выловленную в Вилайетском море, тщательно поджаренную и закопченную, политую оливковым маслом и лимонным соком, сияющую ржавой корочкой с нефритовыми кляксами зелени... Конан слабо сопротивлялся.

Шейх, посмотрев на него хитрыми глазами, наконец, предложил подняться и отправиться в сад, где киммерийца ожидал новый сюрприз.

– О Конан, сейчас ты узришь то, что я берегу превыше всех драгоценностей и сокровищ рода. То, что я храню и лелею как зеницу ока моего. Но тебе, как человеку, которого зуагиры семьи Баргэми жаждали бы видеть среди своих кровных братьев, я покажу этот прекраснейший из цветов, когда-либо вскормленных плодородной почвой нашего осиянного благодатью оазиса.

Конан насторожился. Он прекрасно знал, *что* в Туране называлось “прекраснейшим цветком”. А если еще вспомнить речи шейха о том, что победитель раваха с большой радостью принимался в род и семью, то дело принимало достаточно интересный оборот. Тем более, что Джагул хочет именно *показать* сей “цветок” неожиданному гостю, а подобное на востоке, как правило, не принято. Уж не сватать ли его собрались?

Джагул встал первым, приглашая гостя следовать за ним. Крякнув, Конан с трудом поднялся и, осторожно ступая, двинулся вслед за хозяином. Выйдя в неприметную боковую дверь,

они оказались в прохладной тени развесистых пальм, среди благоухающих цветов редкостной красоты, и лавируя по извилистой, аккуратно вымощенной гладким камнем дорожке, углубились в сад. В самом его сердце возвышалась белая мраморная плита, к которой лепились несколько чаш в виде многоцветных раковин. С верхней чаши из скрытого в толще камня источника по капле стекала, сверкая алмазными бликами, чистая родниковая вода; переливаясь через волнистый край каждой из чаш, она с мелодичным звоном капала вниз, в следующую купель, а затем собиралась в небольшой бассейн, где резвились среди пушистых водных растений редкие и очень дорогие золотые рыбки, украшенные длинными, прозрачными шлейфами плавников. А вокруг мраморного водоема гордо расхаживала пара павлинов, демонстрируя друг другу свои великолепные, отливающие изумрудом и лазурью, веера хвостов.

– Красиво... – сказал Конан, больше заботясь о том, как бы не нарушить приличия звуками рвущейся наружу после непомерно обильного пиршества отрыжки.

– Дочь наша, Мирдани! – воззвал Джагул елеиным голоском и на его лице появилась ласковая улыбка. – Выйди, о сокровище сердца моего!

“Ну, вот, началось, – подумал Конан, – сейчас будут сватать...”

Из-за пышного розового куста, усыпанного крупными, ярко алыми цветами, показалась женская фигурка, закутанная в белоснежный шелк с вышивкой золотом по краям.

– Подойди к нам, возлюбленная дочь, – проблеял шейх, – и поклонись спасителю отца твоего от безжалостного раваха. И я позволяю тебе, о Мирдани, поднять накидку...

Девушка легкой, воздушной походкой приблизилась к отцу, поклонилась гостю и, повернувшись лицом к шейху, с еле слышным вздохом откинула полупрозрачное кисейное покрывало.

Представшая взору варвара красавица была смуглой, с длинными пушистыми ресницами, скромно прикрывавшими большие, миндалевидные, темные как агат, глаза. Конан, как большой ценитель женской красоты, залюбовался тонким носиком с легкой горбинкой, нисколько не портившей его изящную форму, маленькими, чуть припухлыми, как у ребенка, губками, правильным овалом лица, обрамленным иссиня-черными волосами, собранными в четыре тяжелые косы, лежавшие на узких плечах. Ростом дочь шейха была невелика, чуть полновата, но это придавало ее очаровательной фигуре особую прелесть. Мирдани молчала, глядя в землю, и слегка теребила край отброшенной с лица ткани, явно смущаясь тем, что ее лицо, которое можно было показывать только отцу и братьям, ныне пристально изучает чужой, незнакомый мужчина, да еще и прибывший из далекой, неведомой страны. Наконец, поборов в себе робость, прекрасная Мирдани осмелилась поднять глаза на суровое скуластое лицо мужчины и, слегка зардевшись, проговорить:

– Легок ли был твой путь, о чужеземец? – голосок девушки прозвенел в неловкой тишине точно журчание воды, плещущейся в фонтане, находившемся неподалеку. – Позволишь ли поцеловать твою руку, державшую меч, что сохранил жизнь моему возлюбленному отцу?

Она уже взялась своими нежными ручками за грубую кисть северянина, но он отдернул руку, спрятав ее за спину.

– Еще чего! В моей стране принято по другому.

Под ошарашенным взглядом шейха Джагула, Конан обнял другой рукой Мирдани за плечи, привлек ее к груди, и, склонив голову, коснулся губами, прохладных, бархатистых и восхитительно нежных губ красавицы. Девушка поначалу пыталась слабо отстранить его, упираясь ладошкой в могучую грудь, но затем сникла, целиком отдавшись власти сильных, настойчивых губ чужеземца, забыв даже о присутствии отца...

– Мирдани, доченька... – жалобно пролепетал шейх, не осмеливаясь обидеть гостя, но в то же время понимая, что остановить киммерийца следовало бы немедленно. К его радости, пылкий поцелуй длился не слишком долго, и красавица, откинув голову и глубоко дыша посмотрела на Конана светящимися от неожиданно дарованного счастья глазами.

– Я хочу отдать Мирдани замуж за одного из сыновей эмира Шангары, – промямлил Джагул, переводя взгляд с киммерийца на дочь. Но оба точно и не слышали его слов, глядя друг на друга нескончаемо долгим взглядом, полным внезапно вспыхнувшей нежности.

– Тебе, о чужеземец, оказана большая честь видеть тот бриллиант, коим я дорожу пуше всего сущего, – сказал шейх уже немного строже, беря за локоть Мирдани и отводя ее от Конана. Дева вновь скромно потупилась и залилась алым румянцем. – Иди, дочь наша. Иди, отдохни. А я пойду устрою гостя в его покоях.

Мирдани закрыла лицо кисеей и легким шагом удалилась от фонтана, скрывшись в зелени сада. Конан, проводив ее взглядом, подумав, что было бы неплохо узнать, где находятся покои Мирдани. Шейх настороженно проследил за тем, как дочь вошла в густые заросли, за которыми скрывалась потайная дверца, ведущая во дворец, и, повернувшись к гостю, улыбнулся, скрыв за улыбкой тревогу.

Когда киммериец был препровожден на отдых в предоставленные ему апартаменты и остался, наконец, один, то понял, что спать пока не хочет, а валяться без дела было не в его привычках. Бесцельно побродив по комнате, Конан подошел к блюду с фруктами, взял крупный душистый персик, понюхал его и надкусил, но в этот момент в коридоре послышались шаги, дверь раскрылась и на пороге появился тот самый человек, что встретил караван у ворот крепости Баргэми.

– Я Самил, начальник стражи дворца шейха, – низко поклонился он.

– Ну и?..

– Не нужно ли чего почтенному гостю?

– Нет, не нужно, – отозвался Конан, подозревая, что Джагул мог прислать главного стражника проверить, на месте ли северянин и не отправился ли он бродить по дворцу в поисках красавицы Мирдани.

“Можешь передать старому хрычу, что я никуда не делся, – с усмешкой подумал Конан, – по крайней мере, пока...”

– Мой шейх послал меня еще для того, чтобы узнать, не желает ли доблестный воин согреть свое ложе теплом любви?.. – вкрадчиво сказал Самил, не зная, какова будет реакция на эти слова.

– То есть? – переспросил Конан, прекрасно, однако, понимая, что подразумевает Самил под данным предложением. Однако же затеплилась надежда, что старик решил расплатиться за свое спасение принятым у некоторых племен зуагиров способом. Неужели сейчас здесь появится Мирдани?.. Было бы неплохо!

– Для услаждения твоего готов шейх прислать тебе прекраснейшую из женщин, обитающих под сводами сего жилища.

– Это кого же? – снова спросил киммериец, уже будучи уверенным, что его надежды сбываются. Самил поклонился снова и с радостной улыбкой сообщил:

– Свою любимую жену!..

У Конана вытянулось лицо. Вот ведь не повезло!

– Это что же, ту самую старушенцию, которая омывала мне ноги?

– Нет, не бойся, почтенный, то была старшая жена, а любимая моложе ее на целых двадцать лет, – лукаво улыбнулся Самил.

“Так, «старшей», наверняка, под семьдесят, а «любимой», похоже, будет все пять десятков. Щедр шейх! Ну, уж нет!”

– Нет, спасибо, – отмолвил Конан, изображая на лице еще более лукавую улыбку. – Передай шейху Джагулу безграничную благодарность, но я не могу принять его подарок.

– Передам, конечно, передам, – закивал Самил. – В таком случае, я еще хочу сообщить, что милостивый шейх приказал поставить у дверей комнаты охрану, дабы никто не обеспокоил твой сон, о северный воитель. Спи же спокойно!

С этими словами, Самил, пятясь, вышел и тихонько прикрыл дверь. Конан успел рассмотреть, что с другой стороны, в коридоре, находятся четверо вооруженных копьями и щитами стражников.

“И чего мне такая честь оказана? – смеясь про себя, подумал он. – А Джагул-то хитрец, хотел подсунуть мне свою престарелую женушку, надеясь, что тогда будут и овцы целы, и волки сыты. А теперь, чтоб я не пустился на поиски его драгоценной дочери, шейх еще и стражу поставил. Сейчас, небось, клянет собственное тщеславие, понимая, что совершил ошибку, показав мне Мирдани. Можно подумать, будто я не справлюсь с четырьмя стражниками или сколько их там...”

Сквозь узенькое окошко, затянутое цветной слюдой, было видно, как полная луна поднялась над садом, посеребрив верхушки пальм и превратив капли фонтана в изумительные драгоценности, сверкавшие холодным голубоватым светом. Дворец шейха погрузился в сон. Изредка перекликалась меж собою ночная стража. Конан, который, наконец, почувствовал усталость, улегся на подушки и, вспоминая восхитительную свежесть коралловых губок прекрасной Мирдани, уснул.

* * *

Пронзительный, раздирающий душу женский вопль в клочья разорвал ночную тишину, когда луна скрылась за горами, и ночь вступила в самый черный свой час. Мгновение спустя где-то в глубине дворца загомонили многие голоса. Конан проснулся, как всегда, мгновенно, и, нащарив в темноте рукоять меча, вскочил на ноги, вслушиваясь. Паника нарастала, поглощая подобно волне весь дворец шейха Джагула, а когда чуткий слух киммерийца различил звякнувшее железо, стало ясно, что где-то совсем недалеко начался бой. Поспешно натянув штаны и накинув безрукавку, варвар рванулся к двери и распахнул створки ударом ноги. Коридор заливал колеблющийся оранжевый факельный свет, но рядом со входом в покой, предоставленный киммерийцу, стражи не оказалось. Надо полагать, что, заслышав сигнал тревоги, все охранники ринулись туда, где сейчас звенели напуганные женские голоса, раздавались крики о помощи, и сталь ударяла о сталь. Держа меч наготове, Конан устремился по коридору, зацепив по дороге бесценную кхитайскую вазу в рост человека, которая с грохотом разлетелась на тысячи осколков. Даже не обернувшись, он выбежал к лестнице, миновал два ведущих наверх пролета и уже перед дверью ведущей, как он полагал, в женскую часть дворца, едва не сбил с ног двух странных низкорослых существ с багрово горящими в темноте глазами.

– Это еще что такое? – рыкнул Конан, но увидев наставленные ему в грудь древка необычного оружия – на толстую палку было насажено широкое изогнутое лезвие, похожее на ятаган, понял, что эти карлики и есть виновники случившейся во дворце шейха Джагула паники.

Конан поднял меч.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Конан чуть отступил назад, и при слабом свете нескольких факелов, торчащих из настенных колец, попытался получше разглядеть противников. Тут одна из тварей ловко перевернула свое оружие так, что изогнутое черное лезвие оказалось всего в двух ладонях от горла киммерийца, и Конан понял, что намерения у карликов более чем серьезны. Перерубив мечом древко похожего на алебарду странного инструмента, варвар опустил клинок на голову существа – на его темном капюшоне появилось расплывающееся пятно, и коротышка беззвучно рухнул на плиты пола. Второй карлик испуганно пискнул и, швырнув в варвара свой непомерно длинный ятаган, увернулся от следующего удара Конана, прыгнул к лестнице и, скатившись по ступенькам, исчез в темноте. Не став преследовать напуганную тварь, Конан быстро подошел к толстой резной двери, толкнул ее, но притвор не поддавался, оставаясь незыблемой преградой на пути туда, где до сих пор слышались крики и лязг металла. Тогда Конан отошел назад, разбежался, прыгнул и, ударив в узорчатую доску плечом, влетел в располагавшийся за ней зал в вихре щепок и обломков.

В большом мраморном зале было темно от кишаших повсюду карликов в темно-серых и черных плащах. Зажатая в дальнем углу помещения горстка стражников пыталась отбиваться от низкорослых созданий, которые облепили их как мухи, размахивая своим причудливым оружием. Десятки карликов сутились возле других выходов из зала, вытаскивая из соседних комнат отчаянно визжащих и отбивающихся женщин, застигнутых врасплох неожиданным нападением. Еще несколько уродцев заваливали выходы в другие помещения дворца всеми тяжелыми вещами, которые можно было найти на женской половине, чтобы ломящаяся в двери стража, набежавшая едва ли не со всей крепости, не могла пробиться к ним.

Конан отшвырнул ногой невовремя подвернувшегося карлика, бегущего с подушкой к одному из выходов, и рванулся к кучке тварей, тащивших изгибающийся длинный сверток, в очертаниях которого угадывались контуры человеческого тела. Запеленатый человек пытался кричать и звать на помощь, но звуки его голоса заглушались плотной тканью. Несмотря на это, Конан понял, что карлики тащат женщину. В какое-то мгновение ему показалось, что голос ее был знакомым. Внезапно под ноги киммерийцу бросился один из коротышек, намереваясь помешать выручить похищенную женщину, и, споткнувшись, Конан не удержался на ногах и тяжело рухнул на пол. Воспользовавшись его падением, карлики, издавая злорадный визг, кинулись на варвара. Мелькнули занесенные над головами лезвия. Сейчас оставалось сделать только одно – перевернувшись, киммериец стремительно подкатился к ногам кровожадных выроdkов и, лежа на спине, отмахнул мечом им по ногам. Не менее четырех нападавших, подкошенные клинком Конана, рухнули прямо на него, заливая кровью одежду и расстеленный на полу ковер, а оружие остальных опустилось на прикрывшие варвара тела. Не теряя времени, Конан сбросил с себя корчившихся в агонии нелюдей, вскочил и, сжимая в одной руке меч, а в другой подобранный тут же ятаган поверженного карлика, оглянулся в поисках свертка с пленницей. Не обнаружив его, он бросился к одной из дверей, куда могли скрыться карлики с похищенной женщиной. Там оказалась комната, в которой сидели, забившись в угол, несколько испуганных плачущих женщин. Сообразив, что ошибся, Конан метнулся обратно и увидел, что карлики, побросав раненных и убитых, а заодно с ними и красавиц из гарема шейха, отступают к неприметной дверце, скрытой за настенным ковром. Яростно рыча, Конан подобно тигру прыгнул вперед, пытаясь настичь убегающих нелюдей, его меч, сверкавший как молния, крушил их хрупкие тела, и, сметя со своего пути не менее полутора десятков низкорослых, но очень юрких и быстрых существ, киммериец оказался перед узким проходом, ведущим в непроглядную темноту. Он остановился, прекрасно понимая, что бездумно соваться в неиз-

вестное и темное помещение без факела было бы глупо, ибо противник, которой наверняка отлично видит в темноте, может нанести неожиданный и подлый удар в спину.

– Ты вновь пришел на помощь! – послышался за спиной варвара срывающийся голос Самила. В руке начальник стражи сжимал обнаженную изогнутую саблю. От наблюдательного киммерийца не ускользнуло то, что лезвие ее было чисто – туранец, скорее всего, не участвовал в битве с карликами наравне со своими товарищами. – Эти проклятые джавиды!.. Как маленькие негодяи смогли пробраться во дворец!..

Конан решил, что последние слова Самила были вопросом и, хмуро поглядев на него, сказал:

– А вот уж это тебе лучше знать, начальник... Что они хоть натворили?

Конан вновь внимательно осмотрел зал, заваленный бараклом, среди которого лежали трупы джавидов и несколько тел стражников гарема.

– Они появились здесь неожиданно, как дым просочившись на женскую половину дворца. Откуда – ума не приложу. А потом начали врываться в обители жён шейха, пугая и вытаскивая их на свет, но не причиняя никакого вреда. Остальные карлики дрались со стражей, причем дрались яростно, не желая беречь свои жизни, словно речь шла о защите собственного дома, да рухнет его крыша им на головы!

– Я видел, как эти твои джавиды похитили одну из женщин, но не смог догнать их – мне помешали.

– Кого они похитили?! Кого?! – вдруг прогремел голос Джагула, и у двери, ведущей в его покои, появился он сам в окружении многочисленных телохранителей с обнаженными саблями. – Ответь, о чужеземец, видел ли ты лицо той, что оказалась в руках мерзостных джавидов?

– Не-а, – помотал головой Конан. – Но я слышал голос, и он показался мне знакомым.

– Чей это был голос?! Чей?! – старец бросился к киммерийцу, схватил его за попятную кровью шкуру леопарда и со слезами на лице пристально посмотрел в голубые глаза северянина.

– Не знаю, – отрезал Конан. – Лучше скажи старухам или евнухам, чтобы посмотрели, кого из женщин нет.

– Главного евнуха сюда! – провозгласил внимательно слушавший разговор Самил, и двое дюжих стражников подтащили трясущееся от страха существо, лишь отдаленно похожее на мужчину. Конан не без отвращения воззрился на старшего из братии скопцов, хранивших и лелеявших дивный сад шейха. Северянин много раз слышал о несчастных, которые лишены одной из самых естественных и необходимых, по мнению киммерийца, радостей, дарованных человеку богами. Бедолага был высок ростом и непомерно толст – ширина его талии (если можно так назвать это место на его обширном теле) почти в полтора раза превосходила ширину плеч здорового варвара, на круглом, лунообразном лице, лишенном всякой растительности, кроме бровей, застыло безразличное ко всему выражение, которое, впрочем, было присуще всем его братьям по несчастью. Довольно долго главный евнух соображал, что же именно от него хочет шейх, но когда понял, поклонился владыке и воззвал тонким голоском:

– Зелим! Месра! Живо посмотрите по всем комнатам и посчитайте женщин! Быстро!

Последнее слово он выкрикнул столь пронзительным дискантом, что Конан поморщился и почесал пальцем ухо, обращенное к евнуху. Не дожидаясь результата поисков, киммериец кликнул начальника стражи. Схватив по факелу, они вдвоем выбежали в боковую дверь, скрытую под ковром, все еще надеясь на то, что обнаружат какие-нибудь следы, по которым можно было бы узнать, куда делись карлики со своей ношей. Сразу за дверью оказалась винтовая лестница, крутыми витками уводившая вниз, в темноту.

– Может быть, они спустились по ней? – спросил Самил.

Конан не стал утруждать себя ответом на дурацкий вопрос и стал быстро спускаться, освещая узенькие каменные ступеньки факелом. Лестница была невелика и закончилась в небольшом помещении, из которого вела только одна дверь наружу, и сейчас она была широко распахнута.

– Что это за место? – обернувшись, Конан посмотрел на казалось бы окончательно павшего духом Самила, видимо, страшась предстоящего наказания за небрежение к службе. Встрепенувшись, начальник стражи выглянул за дверь, в темноту, и ответил:

– Это тайный ход из сада в гарем. Женщины иногда используют его, когда не желают лишней раз проходить через мужскую половину.

Конан вспомнил, что Мирдани минувшим днем исчезла из дворцового парка слишком быстро, скрывшись за завесой растений. Надо полагать, что она воспользовалась именно этим ходом в гарем.

Мирдани!!

Конан внезапно понял, почему голос пленницы джавидов показался ему знакомым. Теперь ясно, за кем охотились карлики, но зачем им была нужна Мирдани? Она, безусловно, очень красива, но, быть может, в гареме найдутся женщины прекраснее ее? Или нет? А что, если джавиды станут требовать за нее выкуп у безутешного отца, готового расстаться со всей своей сокровищнице, лишь бы вернули дочь? Надо полагать, что для иных целей женщина джавидам вряд ли нужна... Придется потом расспросить как следует шейха про племя карликов, если, конечно, узнав о похищении возлюбленной дочери, он будет в состоянии связать хотя бы пару слов.

Киммериец решительно отодвинул застывшего возле низкой дверцы Самила и нырнул в проход, надеясь отыскать в саду следы джавидов или хотя бы дыру, через которую они пробрались во дворец. Подняв высоко над головой факел, он продрался сквозь заросли каких-то на удивление колючих кустов и выбрался на усыпанную мелким песком дорожку, ведущую к фонтану, неумолимо звеневшему неподалеку. Самил сопел позади, вполголоса проклиная садовника, утыкавшего весь сад непотребными колючками, на которых можно оставить не только одежду, но и кожу заодно. Неожиданно идущий впереди него киммериец, громко выругавшись, едва не упал, запнувшись о что-то темное, при ближайшем рассмотрении оказавшимся трупом стражника. Самил глянул вниз и горестно воскликнул:

– Это Махуд! Да упокоится ныне он в царстве усопших!

Наклонившись, Конан осмотрел труп Махуда. Сзади его череп был рассечен страшным ударом ятагана джавида – скорее всего, стражник даже не понял, кто убил его. И в этот же момент северянин краем глаза различил, что меж кустов жасмина виднелась чуть приметная тропинка. Некоторые ветки были обломаны и, судя по свежим белеющим сердцевинам, совсем недавно. Киммериец, крепко сжав в руке клинок, медленно двинулся к кустам, ибо теперь был уверен – карлики скрылись именно там. Осторожно раздвинув усыпанные белыми цветами ветви, он всмотрелся в гущу зарослей и тихо произнес:

– А это еще что такое? Самил, подойди-ка сюда...

Тот с подчеркнутым опасением приблизился к варвару и, вытянув шею, посмотрел туда, куда он указывал.

– Первый раз вижу... – промямлил он. – Этого здесь никогда не было, понимаешь, никогда!

Конан шепотом проговорил какие-то слова, который Самил вполне справедливо принял на свой счет, и, будь они в ином, менее опасном месте, позволил бы себе обидеться.

У самых корней жасмина виднелся широкий черный провал. Низенькая травка вокруг отверстия была примята множеством ног. Конан подошел поближе, желая посветить в него факелом, но приостановился. С годами у киммерийца выработалось чутье на разные магические штучки, но в данном случае и простой человек мог бы заметить, что выход из ведущего

под землю прохода ох как необычен! Поначалу создавалось впечатление, что на локоть в глубину дыра затянута едва заметной невесомой паутинкой, но сети обычных пауков никогда не светятся в темноте призрачным голубоватым огнем. Конан повернулся к Самилу, который, поборов страх, с интересом разглядывал переплетение слабо сияющих нитей, и, вытянув руку, попросил:

– Дай-ка мне твой кинжал.

Начальник стражи, не догадываясь, что затеял северянин, вынул из усыпанных драгоценными камнями и жемчугом ножен узкий клинок и протянул Конану.

– Ну, возьми... Ты хочешь разрезать им паутину?

– Попытаюсь, – хмуро буркнул северянин. Он предполагал, что может сейчас произойти и, не желая рисковать своим мечом, решил, что кинжал Самила не представляет особой ценности. Сталь, конечно, хорошая да и рукоять дорогая, но если что случится, то начальник стражи всяко сумеет найти ему замену в оружейной дворца. Наклонившись над отверстием, Конан протянул руку с кинжалом и коснулся острием паутинки. Синеватый свет резко сменился белой вспышкой, и Конан, быстро отскочив, внимательно осмотрел оружие. Кончик клинка был аккуратно срезан чуть наискось, словно не металл это был, а полоска пергамента.

“Видел я уже когда-то такие фокусы. Стигийские колдуны иногда опутывают огненной сетью места, куда не должен соваться чужой. И всегда помогает, хоть от воров, хоть от кого другого! Но здесь заклятие слабенькое. Будь огненные линии потолще, кинжал просто в прах бы рассыпался. А пройти туда никак не получится до утра, ибо заклятие паутины действует лишь от захода до восхода солнца...”

– Пошли обратно, – подтолкнул Конан Самила. – Теперь я знаю все, что мне нужно.

Стражник с великим почтением посмотрел на могучего северянина, не убоившегося даже магической заграды, и, вздохнув, загнал испорченный кинжал в ножны. Немного помявшись, он нерешительно произнес:

– Послушай, почтенный... Э-э... Понимаешь ли, я не очень хочу возвращаться во дворец, а тем более попадаться на глаза шейху Джагулу. Я прекрасно понимаю, что меня ждет, в лучшем случае, лишение чина, а в худшем же... – Самил провел ребром ладони по своей шее. Жест был более чем понятен. – Я не желаю из-за недосмотра дурней-стражников лишиться головы. Мне сейчас лучше бы взять коня и немедля покинуть крепость Баргэми навсегда. Шейх человек горячий. Так я пойду?

– Еще чего! – рявкнул на него Конан. – Ты пойдешь вместе со мной к Джагулу и все ему объяснишь, а я, если что, за тебя словечко замолвлю.

– Твое слово вряд ли спасет меня, – взмолился Самил, – отпусти! Я исчезну из дворца столь же незаметно, как ящерица исчезает в песке. Никто не заметит, клянусь!

Киммериец молча схватил за шиворот уже начавшего потихоньку отступать в темноту Самила и решительно потащил за собой, не обращая внимания на сдавленные стоны всерьез перепуганного начальника стражи. Мысли о том, чтобы обнажить против северянина оружие у Самила даже не возникло, ибо он понимал, что в этом случае смерть настигнет гораздо раньше, и палачу Джагулу не придется лишиться раз показывать свое искусство.

Крепко держа Самила за ворот халата, Конан легко взбежал по винтовой лесенке и, войдя в зал, застал шейха Джагула бушевавшим в неистовой ярости безграничного отчаяния. Едва Конан откинул рукой прикрывавший вход ковер, как его глазам открылось жуткое зрелище: главный евнух, тоненько подвывая от нечеловеческого ужаса, стоял на коленях, а рядом с ним высился здоровенный детина в темном халате и тюрбане, поднявший над головой несчастного скопца, который был меньше всего повинен в случившемся, изогнутый меч с широким лезвием. В следующее мгновение, молодецки ухнув, палач низверг жуткое орудие на шею бывшего хранителя гарема шейха Джагула, раздался отвратительный тихий хруст, и на ковер хлынула алая волна крови. Голова, с глухим стуком упав на пол, подкатилась к ногам киммерийца.

“Пожалуй, шейх погорячился, – подумал Конан, отодвигая носком сапога окровавленную голову с трепещущими веками. – Не зря Самил так трусил.”

Но, видимо, гнев владыки временно остыл, ибо жертвами его уже пали трое скопцов и начальник смены стражи, дежурившей у дверей гарема. Их головы были сложены жуткой кровавой пирамидой у ног господина, а тела валялись там, где свершилась скорая расправа. Едва увидев Конана, Джагул аль-Баргэми возопил:

– Ты нашел ее, о чужеземец?!!

– Кого ты имеешь в виду, шейх? – бесстрастно произнес Конан. – Кого все-таки похитили?

– Мирдани!!! – шейх выкрикнул это слово столь громко, что, казалось, осыплется бисерная вышивка с его ночного халата.

– Я так и думал, – кивнул киммериец. – Найти ее мне не удалось, но зато доблестный Самил нашел место, где скрылись джавиды вместе с твоей дочерью.

– Самил? Этот подлый сын Нергала, да пожрет его тело равах?! Смерть ему! Эй, палач!..

Самил, стоявший за спиной Конана, как подкошенный рухнул на колени, сумев сдавленно пробормотать одно-единственное слово:

– Пощади!..

– И в самом деле, не следует этого делать, – ровным голосом сказал Конан, понимая, что вступаясь за растяпу-стражника, рискует потерять расположение шейха. – Джавиды использовали магию, и когда я вместе с Самилом искал их след, он не убоился их злобного чародейства... – Конан едва сдержал улыбку, вспомнив задрожавшие при виде магической паутины губы начальника стражи. – И кроме того, он был смел и безжалостен в битве с джавидами, я видел.

Это, конечно, было наглое вранье, ибо Конан отлично помнил, что Самил появился лишь тогда, когда карлики начали отступать из гарема, и обнажил саблю больше для вида. Однако обещания надо выполнять – киммерийцы всегда держат слово, кому бы оно ни было дано.

Самил на четвереньках пополз к ногам шейха, обернувшись на Конана и одарив его взглядом, в котором собачья преданность сочеталась с безграничной благодарностью. Пылко облобызав туфли повелителя, он простерся на ковре, бормоча неразборчивые призывы к милости великодушного владыки. Шейх недовольно пнул его в лицо и, скривив тонкие старческие губы, рыкнул:

– Прочь с глаз моих, собака! Благодарю нашего гостя, подарил тебе жизнь он, а не я. С этого дня в моем дворце нет начальника стражи Самила аль-Мурди! Есть раб Самил аль-Мурди, и этого раба я дарю моему гостю и спасителю.

“И кто меня за язык тянул? – огорченно подумал Конан. – Конечно, ему бы отрубили голову, но, по крайней мере, я не остался бы в дураках! Что я теперь с ним делать буду? Пропью в кабаках Султанапура?”

Самил резво подполз к ногам Конана и хотел было приложиться губами к его сапогам, но киммериец так свирепо прошипел: “Пшел вон, дубина!”, что бывший начальник стражиavorно поднялся на ноги и, согнувшись в раболепном поклоне, начал пятиться к выходу из зала.

– Эй, раб! – вдруг окликнул его шейх, и Самил в ужасе снова грохнулся на колени, побледнев, как полотно. – Раб! Дай сюда свою саблю и кинжал! Оружие могут носить только свободные люди.

Дрожащими руками Самил снял с себя пояс и протянул его подошедшему палачу. Последний вынул кинжал, осмотрел его и швырнул на пол. Саблю же могучие руки заплечных дел мастера переломили надвое как прутик, а обломки он поднес к шейху и положил у его ног. Только после этой церемонии Самил был отпущен, и исчез из зала, как и обещал Конану – подобно ящерице в барханах.

– А кто такие джавиды? – обратился к шейху Конан. – Я никогда не встречал таких тварей, хотя по миру побродил изрядно.

– О, это премерзостное племя, порожденное отрыжкой Нергала! Их немного, и живут они, подобно иным карликам, в подгорных лабиринтах, но в отличие от племен рудознатцев, не делают ничего полезного, а лишь промышляют грабежом и убийствами. Маленькие негодяи облюбовали заброшенные ходы равахов, поселившись там. Наш благословенный оазис не раз подвергался набегам сих выродков, коих иные племена карликов считают гнусными изгоями. Но никогда донныне они не осмеливались на столь дерзостный набег. Лишь один Кемош знает, что джавиды учинят над моей бедной дочерью!

Глаза старца наполнились слезами, но, пересилив себя он продолжил:

– Я никогда не слышал, чтобы джавиды похищали людей, и чувствую, что здесь не обошлось без заговора со стороны моих многочисленных недругов! Какой-то мерзавец, наверняка, нанял их для того, чтобы завладеть самым дорогим моим сокровищем!

“С каких это пор женщина у зуагиров стала “величайшим сокровищем”? – подумал Конан. – Надо полагать, что сокровищем Мирдани является только от того, что старикан хочет выдать ее замуж за сынка какого-то эмира! Джагул хочет породниться с царствующей династией и тем самым обрести новые богатства и привилегии. Не удивлюсь, если он сейчас начнет умолять меня спасти свое “сокровище”. А, впрочем, кошелек мой сейчас не так уж тяжел...”

И точно. Шейх приблизился к киммерийцу и, молитвенно сложив на груди руки, заглянул ему в глаза:

– О, могучий воин, ты же видишь, как велико мое горе и не откажешь несчастному отцу в его слезной мольбе! Верни мне Мирдани! Я убежден, что боги послали тебя к нам в час несчастья как избавителя нашего рода и хранителя моей чести!

“Свою честь ты мог бы защитить и собственной саблей, – мрачно подумал Конан, – и, кроме того, я все-таки тороплюсь в Султанапур! Купец со своим караваном должен уже вернуться, а люди, с которыми я хотел бы встретиться, наверно, заждались...”

– Сколько? – коротко спросил Конан.

– Что “сколько”? – недоуменно переспросил Джагул. – Сколько я дам тебе своих воинов в помощь?

– Нет, сколько ты мне заплатишь? А твоим... гм... воинам я не доверил бы даже охрану павлинов в саду.

Конан прекрасно понимал, что сложившаяся вокруг него аура посланника богов и бескорыстного героя после этих слов исчезнет бесследно, растворившись в сиянии золотых монет, но киммерийца, привыкшего зарабатывать своей силой и ратным умением на жизнь, это не слишком бы расстроило. И потом, он уже забыл, когда в последний раз служил “спасителем и избавителем” в ущерб собственному кошельку.

Джагул, помолчал, недовольно пожевав губами, и, наконец, выдал:

– Пятьсот золотых...

– Оказывается, твое сокровище стоит не так уж и дорого! – усмехнулся Конан, не обращая внимание на потемневшее от гнева лицо Джагула и прокатившийся по залу ропот. – Десять тысяч, или я отправляюсь в Султанапур. А дочку свою поручи искать Самилу.

– Что-о? – протянул шейх, не веря своим ушам, и аж присел от негодования и удивления.

– Десять тысяч туранских золотых, – отчеканил Конан. – И половину вперед. А то Мирдани я спасу, но вернется она домой вряд ли. Я возьму ее себе в качестве оплаты за труды и, надо полагать, твоя дочь не откажется.

Дворцовая челядь, присутствовавшая в зале, замерла, ибо все были уверены, что сейчас на голову чужеземца обрушится ярость шейха, и былые заслуги киммерийца будут забыты. Но в этот момент варвар опять заговорил.

– Кроме того, мне нужен хороший конь – я выберу его сам на твоей конюшне, шейх, запас пищи и воды, а лучше вина, и еще... – Конан сбросил с плеч запятнанную кровью шкуру леопарда, – заменить вот это.

– А конь-то тебе зачем? – ошарашенно спросил Джагул. – Ведь карлики обитают в подземельях! Неужели ты затащишь туда лошадь? Ведь она там не поместится!

“Тьфу, старый дурак! – мелькнуло в голове едва сдержавшегося от того, чтобы не сказать грубость, варвара. – Ты же богаче короля Аквилонии, а скупись, будто последний шемит-ростовщик! Но за жизнь Мирдани раскошелиться придется!”

– Лошадь? – задумчиво произнес Конан, глядя в потолок. – Пока я буду искать твою дочь в подземельях, конь постоит в конюшне, а если джавиды увезли ее куда-нибудь, то не пешком же мне за ними гнаться? А заодно, лошадь повезет мое золото...

От такой наглости, не виданной еще в стенах дворца Джагула, придворные заахали и стали перешептываться, пребывая в уверенности, что палачу недолго стоять без дела. Но шейх, немного подумав, кивнул:

– Будь по твоему... гость. Пятьдесят сотен импералов царя Илдиза ты можешь получить хоть сейчас у главного казначея. Но вместо второй половины денег позволь мне предложить то, что пригодится любому воину. Стоимость этой вещи много больше, чем ты просишь. Эй, Мустаб! Принеси сюда аквилонский кинжал, который подарил мне в Аграпуре посланник из Хоршемиша.

“Ах, ты скряга! – Конана аж передернуло. – Сейчас всучит безделицу, которую можно купить на любом базаре за горсть серебра!..”

Казначей прибежал удивительно скоро, сжимая в руках парчовый сверток. Бережно развернув ткань, он вынул из ее складок казавшийся невзрачным кинжал-дагу, в простых кожаных ножнах без украшений, и с поклоном подал его шейху. Джагул, приняв оружие едва ли не с благоговением, вытянул клинок из ножен и, повернувшись к киммерийцу, торжественно произнес:

– В этот кинжале сосредоточена великая магическая сила – заклятие против чар последователей проклятого Сета наложил сам Раэн из Танасула – великий мудрец, живший около пяти столетий назад. Не смотри на простоту клинка, ибо за ней скрывается великая мощь магов. Кофиец неохотно расставался с этой вещью, но он отдал ее мне за одну услугу.

“Интересно, за какую такую услугу кофийский посол мог расплатиться с зуагиром столь “дорогим” кинжалом?” – Конан, поморщившись, взял оружие в руки и оценивающе оглядел его. Что ни говори, но сталь была действительно великолепна – легкая, гибкая и отлично отточенная. Может быть, и скрывалась в кинжале некая магическая сила, но сейчас она не выплескивалась наружу. Это было даже хорошо – киммериец недолюбливал магию, будь она белой, черной или же любой другой.

– На что он мне? – буркнул варвар, возвращая оружие шейху. – Я привык полагаться на меч и свою голову, а не на магические штучки. Забери обратно.

– Не заберу, – уперся Джагул. – Джавиды используют темную, чуждую людям магию. Ты же сам сказал, что вход в подземелье затягивала огненная сеть! Прими мой подарок!

– Ладно уж, – махнул рукой Конан. – Давай сюда твою игрушку.

Варвар пристегнул ножны к поясу, недовольный тем, что пять тысяч золотых вдруг превратились в никчемный ножик. В бою он обычно употреблял меч, который приходилось держать двумя руками, а работать двуручным мечом и дагой было бы крайне затруднительно...

– Рассвет еще не скоро, – сказал Конан, – волшебная паутина исчезнет только с первыми лучами солнца, и сейчас проникнуть в подземелье невозможно. Не думаю, что даже твой волшебный, – это слово он произнес с ноткой презрения в голосе, – кинжал сумеет ее рассеять... Я пошел спать.

Равнодушно развернувшись, киммериец покинул зал, оставив шейха и его челядь обсуждать его бесцеремонность и неучтивость, столь присущие всем варварским народам.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Это был голос Самила...

По мнению Конана, он сидел в узком проходе, ведущем в огромный подземный зал, уже довольно долго, наблюдая за двумя десятками джавидов, расположившихся под сводами бывшего обиталища песчаного раваха. Они долго переговаривались на своем гортанном наречии, которого киммериец не знал, и вдруг из темного туннеля, уходящего в глубины под песками, появился человек, сопровождаемый двумя карликами. Он заговорил по-турански, и Конан тот час же узнал его. Бывший начальник стражи и был тем, кто позволил джавидам беспрепятственно проникнуть в гарем дворца Джагула...

“Вот ублюдок! – выругался про себя Конан. – А я-то еще утром думал, куда же смылся мой раб!”

Так оно и было. Проснувшись на рассвете, киммериец первым делом отправился ко дворцовому казначею за причитающейся ему мздой и покинул покои хранителя сокровищ только тогда, когда пять мешочков, туго набитых империалами Турана, приятной тяжестью оттянули его пояс. Затем он отправился на конюшню и с вызывающей неспешностью выбрал себе великолепного гирканийского скакуна буланой масти. Эти животные ценились за свою выносливость и покладистый нрав, могли переходить большие расстояния без отдыха и отличались неприхотливостью в еде. Ну, а кроме того, лошади гирканийцев без особого труда привыкали к новому хозяину, и едва Конан подошел к выбранному жеребцу, как тот вытянул шею и ткнулся мягкими губами в его ладонь в поисках угощения.

– Ему бы еще седло и сбрую, – повернулся варвар к конюху, и последний немедленно принес требуемое снаряжение, ибо шейх приказал выполнять любые желания и прихоти гостя. Взнуздав и оседлав коня, а так же упрятав в седельной сумке кожаные кошель с золотом, Конан подозвал конюха и сказал:

– Он должен быть готов к моему приходу. А прийти я могу в любой момент.

– Слушаюсь, – отозвался конюх.

Киммериец предполагал, что утащившие Мирдани джавиды уже успели переправить ее если не к заказывавшему похищение, то хотя бы к его слугам или посредникам. Поговорив с шейхом, варвар выяснил, что поблизости нет ни одного оазиса, где могут спрятать Мирдани, и поэтому, скорее всего, путь похитителей лежит к Султанапуру. Напасть на след дочери шейха он рассчитывал еще до полудня. Но нельзя было упускать из виду возможность того, что джавиды могут попросту спрятать девушку в своем подземелье и потребовать выкуп у шейха в золоте. Однако Джагул отверг подобную возможность, будучи уверенным, что возлюбленное дитя пало жертвой интриг завистников шейха из рода людей. Кроме того, старый зуагир сказал Конану, что ни один джавид не посмел бы даже подойти к стенам Султанапура, ибо воины эмира нещадно истребляли их, справедливо почитая за опасных и вредных тварей.

Конан неторопливо и обильно позавтракал, чем вызвал яростное, но скрытое негодование шейха, рассчитывавшего, что киммериец с первым лучом утреннего света ринется на поиски Мирдани. Собравшись, Конан уложил свои вещи возле конюшни, а потом под неусыпным надзором Джагула отправился в сад к зарослям жасмина, среди которых он обнаружил минувшей ночью черный провал, затянутый светящейся паутиной. Как и подсказывали ему опыт и знания, полученные от некоторых встреченных ранее знатоков магии, простенькое охранное заклинание, посвященное Сету, рассеялось, едва забрезжил рассвет, и проход был свободен. Но Конан прекрасно знал, что глубоко под землей, куда не проникает ни единый солнечный луч, можно встретить подобную преграду даже днем. Открытую дыру прохода охраняли пятеро стражей, вооруженных пиками – Конан в душе посмеялся над “предусмотритель-

ностью” того, кто занял место Самила. Варвар был уверен – теперь карлики не появятся в пределах оазиса Баргэми еще очень много дней.

– А ну-ка пропустите! – гаркнул Конан, отталкивая стражников, которые, впрочем, беспрекословно расступились, с уважением поглядывая на рослого чужестранца, собравшегося спуститься в подземелье раваха. По требованию Конана, ему была выдана веревка, и он, привязав один ее конец к извилистым и крепким стволам кустов жасмина, а другой намотав на руку, стал спускаться по наклонному ходу в темноту, придерживая небольшой фонарик, висевший на шее на кожаном ремешке. Без света в туннелях раваха делать было нечего, и сейчас следовало благодарить одного из придворных, у которого завалился среди прочих безделушек необычный сувенир – маленький кхитайский фонарик, представлявший собой слюдяной куб, в который вставлялась свеча. Коснувшись ногами пола, Конан бросил веревочный моток на пол и отправился вглубь подземелья.

Киммериец долго шел по широкому округлому проходу, достаточно высокому, чтобы не касаться головой потолка – надо полагать, что живший здесь некогда равах был довольно крупным. В стороны отходили многочисленные ответвления, и если б толстый слой пыли, скопившейся в брошенных песчаным червем подземельях, не был усеян следами джавидов, то можно было бы легко заблудиться в темных лабиринтах. Острый слух северянина тоже не дал бы ему заплутать в путанице подземных ходов, благо Конан различал в отдалении неясные голоса карликов, явно собравшихся в одном месте. Джагул сказал правду: некоторые из ходов были обработаны людьми. Красноватый, плотно склеенный чем-то прозрачным, песок кое-где устилался плитками, острые углы были сглажены, а на стенах виднелась копоть от факелов.

“Здесь где-то должен быть ход в сокровищницу шейха... – подумал киммериец, оглядываясь. – Ну, да ладно, оставим посещение этого, безусловно, замечательного места на следующий раз, если таковой случится”.

Туннель шел под уклон. Через две сотни шагов Конан заметил, что четко отпечатавшиеся в пыли следы джавидов повернули в один из узких боковых коридоров. Ощувив в воздухе знакомое напряжение, он пригнулся, обнажил меч и осторожно начал пробираться по забирающему влево проходу. Варвар не зря доверял своим чувствам. Вскоре он обнаружил, что путь загородила точно такая же паутина, как и виденная ночью – джавиды даже в собственных подземельях соблюдали предельную осторожность. Кроме того, Конан заметил разобранную карликами каменную кладку, перегородившую выход из обследованных людьми шейха туннелей. Синеватый свет магической преграды заливал коридор, делая все вокруг каким-то неестественным, неживым, словно принадлежащим чужому миру – миру призраков и демонов. Даже смуглая кожа на руках киммерийца начала поблескивать трупным оттенком.

– Придется искать обходной путь, – огорченно прошептал варвар. – Или возвращаться назад...

Он развернулся, и в этот момент по стене прохода царапнуло что-то металлическое. Конан краем глаза заметил, что рукоять дареного кинжала задела застывшую поверхность обмазанного слюной раваха песка и приостановился.

– В любом случае я ничего не теряю, – задумчиво пробормотал он. – Ну-ка, используем подарочек шейха. А заодно и проверим, какие чары на нем лежат. Врал небось, подлец. Второй половины денег пожалел...

Убрав меч, Конан сжал кинжал в ладони и, приблизившись к пылающей синевой сети на расстоянии вытянутой руки, коснулся острием одной из огненных нитей. Клинок налился ярко-белым светом, и неожиданно в подземном лабиринте стало светло, как днем. Стигийская сеть вдруг начала менять цвет с синего на зеленый, затем потускнела, а через мгновение с чуть слышным шипением распалась на сотни гаснущих искр, рассыпавшихся на полу коридора.

– Недурно, – покачал головой варвар, глядя на исчезающий с граней клинка внутренний огонь, внезапно оживший в нем. – В кои-то веки мне пригодилась магическая игрушка. Интересно, а что она еще может?.. Великий Кром, а это кто такой?

Оказалось, что джавиды не ограничились одной лишь огненной паутиной, но и поставили за ней стража. Конан отметил про себя, что не зря шейх Джагул предупреждал о магических талантах маленьких уродцев – по его словам выходило, что превзойти джавидов могут лишь стигийцы, у которых едва ли не каждый второй является колдуном. Карлики продемонстрировали свои способности, поставив охранять вход в свое логово тварь, очень напоминавшую демона, а скорее всего, им и являющуюся. Из коридора в круг света, отбрасываемого висящим на шее киммерийца фонариком, выползло отвратительное создание, не выглядевшее, однако, непобедимым. Конан не без удивления воззрелся на существо, напоминавшее помесь огромной жабы со столь же крупным скорпионом. Жабье туловище стояло на шести членистых ногах, а над спиной зловеще покачивался скорпионий хвост с зазубренным жалом, на котором поблескивали мутные капли яда. Зверюга была Конану по пояс, но все равно киммериец отступил на несколько шагов назад. Отчего-то тварь не стала нападать на варвара, беззвучно усевшись возле места, где совсем недавно красовалась паутина Сета, вращая выпученными красноватыми глазами.

– Провести меня надумали, хитрецы? – проговорил Конан, ехидно улыбнувшись. – Не выйдет! Знаком я с такими фокусами!

Чудище оказалось безвреднее мухи – киммериец понял это, обратив внимание на то, что при движениях создание не издавало даже легкого шороха, а его лапы не поднимали пылевых облачков над полом. Это была доступная любому, даже начинающему магу шуточка – обыкновенный фантом. Иногда молодые и неопытные чародеи, желая преподнести приятный сюрприз своим знакомым или родичам, а то и просто напугать мирных обывателей, создавали монстров, по сравнению с которыми пялившееся сейчас на Конана нелепое создание показалось бы попросту детской шалостью. Когда-то давно варвар мог попасться на такую удочку, но те времена давно прошли. Конан, глазом не моргнув, двинулся прямо на фантома и преспокойно прошел сквозь него. Тварь пошевелила неповоротливой бородавчатой головой и киммерийцу показалось, что во взгляде ее круглых выпуклых глаз скользнула обида.

– Извини, приятель, – бросил через плечо Конан. – Я тороплюсь...

Свет впереди забрезжил внезапно, и удвоивший осторожность киммериец задул теплящуюся в прозрачной коробочке свечу, а затем неслышно подошел к выходу из коридора и выглянул. Уходящий в сгущавшуюся вверху темноту куполообразный свод слабо освещался несколькими факелами, воткнутыми прямо в песок. На полу широкого, шагов пятьдесят в поперечнике, зала сидели закутанные в свои мрачные одеяния джавиды и, судя по злобно-визгливой интонации их речей, переругивались. У Конана появилась возможность как следует рассмотреть некоторых представителей низкорослого племени, ибо часть джавидов откинула с лиц капюшоны. Поросшие густой коричневой, местами рыжеватой шерстью плоские морды (язык не поворачивался назвать это лицом), малюсенькие темные глазки, отсвечивавшие в темноте багровым, сливообразные и тоже волосатые носы, нависающие над широким губастым ртом, с углов которого на кудлатую бороду, свидетельствующую об общем происхождении с гномами, стекала вязкая слюна, и к этому – странная мимика, шепеляво-картавый язык и движения коротких ручек и ножек, неприятно напоминавшие двухлетнего ребенка... Зрелище и жалкое и отвратительное одновременно. Конан как-то встречал настоящих гномов, правда, случилось это довольно давно, и они были куда более симпатичными, нежели джавиды. По крайней мере, у них не росли длинные, вислые уши, отчасти напоминавшие ослиные.

Почти два десятка уродцев, расположившись на драных, явно ворованных, коврах, отчаянно спорили, а иногда старший из джавидов – наиболее хорошо одетый карлик, в волосах которых сквозила почтенная седина – отсылал некоторых своих соплеменников в один из тем-

невших справа ходов, но те возвращались очень быстро и, повизгивая, отрицательно крутили головами.

“Наверное, ждут кого-то, – решил Конан. – Может, и мне подождать? Если они поставили в этом коридоре магическую преграду, то, значит, со стороны выхода в сад никого не ожидают, да и сами сюда сунутся вряд ли. Одно плохо – пленницы нигде не видно. Или ее прячут в другом месте, или уже переправили, куда намеревались.”

Так Конан прождал довольно долго, и, наконец, двое посланцев старого джавида привели за собой долгожданного гостя.

– Вы сделали все, как нужно, – не приветствуя карлика, с ходу начал человек. Говорил он на языке Турана. – Сейчас она уже на пути в город. Тот, кто дал это поручение, обещает принести джавидам их драгоценность в течение двух лун. И, кроме того, Ниорг – так, видимо, звали старейшину карликов – я требую, чтобы ты возместил мне за мои страдания! Ведомо ли тебе, в какую передрагу я попал, а? Меня едва не казнили! И потом, я потерял должность при дворе Джагула и был обращен им в рабство! Хорошо, хоть бестолковый дикарь с севера, которому меня и подарили, – последние слова Самил произнес с изрядной долей презрения, – заступился перед лицом шейха и не позволил проклятому Джагулу снести мне голову.

“Ах, негодяй! – мелькнула у Конана злая мысль. – Я тут распинаюсь перед лишившимся ума от горя старикашкой, речи говорю, а этот поганец, получив в подарок жизнь, тут же сбегает! Потом выясняется, что он-то, оказывается, и учинил весь этот кавардак! Ну, ничего, я еще заявлю свои права на собственность! Кстати, что в там Туране полагается делать с беглыми рабами?..”

Старший карлик поднялся на ноги и на скверном туранском наречии прошепелявил:

– Послушай, ты, беглый раб! Как ты смеешь требовать от нас еще что-то? И это после того, как наш народ потерял столько воинов! Ты же обещал, что стражи будет мало! За такое предательство джавиды карают смертью!

С этими словами джавид махнул рукой остальным карликами, и те, мгновенно вскочив, бросились на Самилу. Доселе скрытые в складках плащей кривые тяжелые мечи внезапно оказались в их руках.

– Эй, вы что?! С ума посходили?! Отродья Сета! – закричал Самил, отскакивая в сторону. У него теперь не было даже сабли, чтобы защитить свою жизнь. – Остановитесь! Я ведь сделал все, как вы требо...

Его сполошный крик потонул в визге атакующих джавидов. Самил упал на пол, закрыв голову руками, не надеясь на спасение – в подземельях раваха никто не мог прийти ему на помощь, и теперь бывший начальник дворцовой стражи вознес немногословную молитву к Кемошу, уповая на то, что бог зуагиров, кстати, не терпящий греха предательства, все же помилует его и даст отдых на Серых Равнинах Мертвых.

И тут словно голос самого Кемоша раздался под песчаными сводами:

– Никому еще я не позволял посягать на мое имущество!

Для Конана не составило большого труда раскидать вопящих карликов. Снеся головы тем, кто рискнул сопротивляться и распугав остальных своим видом, он загнал джавидов в уходящий во тьму коридор, однако, углядел, что их старейшина успел улизнуть, прихватив с собой несколько мешочков. Наверное, с золотом. Киммериец подошел к неподвижно лежащему Самилу. Тот уже мнил себя бестелесным призраком на Серых Равнинах, в царстве Нергала, когда варвар пару раз пнул его, а потом, ухватив за шиворот, рывком поставил на ноги.

– Хо-хозяин?.. – промямлил Самил, повиснув в руке Конана, подобно крысе в зубах собаки.

– Хозяин, хозяин! – подтвердил киммериец.

– А как же Серые Равнины? Вас что, тоже убили подлые джавиды?

– У тебя разум от страха помутился, пес? – рявкнул Конан и встряхнул Самила. – В Царство Теней ты всегда успеешь! А ну-ка говори, что вы тут с джавидами затеяли? Куда дели Мирдани? А?

– Я ничего не знаю! Я не виноват! Это они все сами! – заскулил вторично спасенный Конаном от неминуемой смерти зуагир.

– Ах, не знаешь? – зловеще ухмыльнулся киммериец. – Подзабыл, может? Так я тебе сейчас напомним!

Конан сопроводил слова действием, двинув Самила об стену пещеры, причем не один раз. При каждом соприкосновении с твердым, как камень песчаником, Самил издавал тихие короткие всхлипы и, наконец, взвыл так, что с потолка посыпалась пыль.

– Хозяин! Неужели ты спас меня только для того, чтобы убить?!

– Скорее всего, именно для этого, – спокойным голосом отозвался “хозяин”, не прекращая мутузить своего нового раба об стену, – но для начала я вытрясу из тебя все, что ты знаешь о похищении дочери шейха!

– Да, да, я расскажу все, все, что знаю и что пожелает услышать от покорного слуги добрый хозяин, – простонал Самил в промежутках между ударами. Кровь из разбитого носа залила его губы и подбородок. Он понимал, что дальнейшие запирательства приведут к тому, что могучий северянин, в лучшем случае, сильно покалечит его, а то ненароком и убьет. Если выложить все, как есть, то, быть может, появится надежда остаться в живых.

Конан отшвырнул Самила в центр зала, в круг света, исходившего от забытых джавидами факелов, на груды потрепанных ковров и встал над ним, широко расставив ноги и скрестив руки на груди.

– Ну?! Начинай свою повесть, – задушевым тоном проговорил киммериец, однако, Самил явственно различил в его голосе стальные нотки. Сбиваясь и всхлипывая, размазывая по лицу текшую из носа кровь, Самил начал рассказывать, как однажды, будучи по делам в Султанапуре, его позвал в свой дом пятитысячник султанапурского гарнизона Турлей-Хан, сказав, что желает передать какой-то подарок шейху Джагулу и именно через Самила, как начальника стражи крепости Баргэми.

– Кто этот Турлей-Хан? – спросил Конан.

– О, это один из самых богатых и уважаемых людей в городе, – прохрипел Самил, – он командует всей кавалерией доброго государя нашего Илдиза, которая стоит в этой части империи. В его руках сосредоточена власть не меньшая, чем та, что принадлежит султанапурскому наместнику – эмиру Хайберди-Шаху. Он любимец и дальний родственник самого царя Илдиза, и пользуется его благоволением...

– Ну, и что тебе сказал Турлей-Хан?

Самил поведал о “подарке”, приготовленном туранским князем шейху зуагиров. Когда начальник стражи оазиса Баргэми прибыл в роскошный дворец Турлей-Хана, тот предложил ему несколько однобокий выбор: либо умереть на месте (за спиной Самила тогда стояли четверо здоровенных чернокожих рабов из Кешана), либо, приняв от монаршего фаворита двадцать пять тысяч золотых, помочь уже нанятым им джавидам похитить дочь Джагула аль-Баргэми.

– Отчего это Турлей так невзлюбил твоего бывшего хозяина? – спросил Конан.

– Река оазиса несет в себе самоцветные камни и золото, – сказал Самил в ответ. – Пятитысячник, который почти столь же богат, как и царь Илдиз, хотел наложить руку на неиссякаемый источник сокровищ и пытался просить шейха отдать ему в жены Мирдани. Но Джагул понял, что в таком случае придется постоянно делить с алчным и ненасытным зятем приносимые рекой Баргэми сокровища, и твердо отказал, решив выдать дочь замуж за человека, которому не нужно золото – сына Шангарского эмира. С этим браком Джагул больше получил бы для себя нежели отдал, тем более, что он еще не выдал замуж старших своих дочерей! Тур-

лей-Хан решил отомстить шейху за обиду, и теперь сделает Мирдани своей рабыней и наложницей.

– А почему шейх не может принести жалобу в Аграпур, царю?

– Какому царю?! – взмолился Самил, проклиная в душе непроходимую тупость киммерийца, слабо разбиравшегося в тонкостях дворцовых интриг на востоке. – Да Илдиз и слушать не захочет о чести неизвестной зуагирской девицы, а скорее, наоборот – заставит Джагула ублажить своего любимчика!

– А что ты говорил про вещь, которой похититель должен расплатиться с карликами в течении двух лун? – вдруг нахмурился Конан.

– Я точно не знаю, – пролепетал бывший начальник стражи. – Знаю только, что она хранится в сокровищнице султанапурского эмира, куда Турлей-Хан имеет свободный доступ. Это какое-то древнее сокровище народа джавидов, по слухам, связанное с темной магией Сета.

– Как выглядит эта штукавина? – продолжал настаивать варвар. – Она дорогая?

Безошибочный нюх Конана моментально учуял возможность прибавить к полученным у Джагула пяти тысячам и магическому кинжалу (откровенно говоря, почти бесполезному) еще немного. Однако, Самил пробормотал:

– Господин мой, не связывайся с джавидами и их магией. Этот народ поклоняется неведомым и тайным силам, несущим смерть всем, кто не принадлежит к их поганому племени. Они, подобно стигийцам, владеют силой, подаренной им злобным Сетом, а вещь, из-за которой джавиды пошли на столь большой риск и жертвы, очевидно, содержит в себе так много зла, что ты не унесешь его на своих плечах!

– Я спросил – она дорогая? – угрожающе повторил Конан. – Если она не представляет из себя хоть какой-то ценности, то почему эмир держит ее в своей сокровищнице? Я много раз встречал очень дорогие безделушки, про которые баяли, будто они наполнены магией доверху, а оказывалось, что так набивалась цена.

– Я сам никогда не видел этот сосуд, – ответил Самил. – Но эмир хранит его потому, что сплетен тот из вытянутого в нити стигийского белого золота..

“Белое золото? Ну и ну! Да за такой кувшинчик можно купить всю Аквилонию с Таураном, Зингарой и Аргосом в придачу, и еще на выпивку останется! Про магию, может быть, и брехня, а вот саму вещичку посмотреть стоит. Я думаю, она нужна джавидам, несомненно, меньше, чем мне.”

– Когда Турлей-Хан передаст карликам сосуд?

– Не знаю, – проблеял Самил. – Они сами будут разбираться с пятитысячником, а то, что было поручено мне я выполнил.

– Ладно, – вздохнул Конан. – А с Мирдани-то что? Где она сейчас?

– Джавиды передали ее слугам Турлей-Хана, и сейчас они уже, наверно, приближаются к стенам Султанапура.

– А ты уверен, что с дочерью шейха ничего... э... не случится в пути?

– На все воля Кемоша, – развел руками Самил, радуясь в душе, что нашел, наконец, возможность поддеть “нового хозяина”. Но тут Конан метнул на него такой яростный взгляд, что, сникнув, Самил добавил:

– Я слышал, что Турлей-Хан пригрозил страшной казнью тому, кто дотронется до Мирдани хотя бы пальцем. Так что, до времени, пока она не окажется в серале пятитысячника, самое большее что ей грозит – ожоги нежной кожи от жаркого солнца пустыни...

– Поедешь со мной в Султанапур, – велел Конан, понимая, что сейчас действовать надо быстро.

– Господин, посмотри – джавиды!.. – сдавленным шепотом вдруг проговорил Самил, глядя широко раскрытыми от страха глазами на что-то за спиной киммерийца. Быстро оглянувшись, Конан увидел в темноте коридора несколько пар мерцающих красным глазок, рас-

смеявшись, поднял с пола забытый карликами глиняный кувшин, размахнулся и запустил его туда. Глазки исчезли.

– Бояться! – ухмыльнулся северянин и, повернувшись к Самилу, рывкнул: – А ну вставай, бездельник, пока я не спустил с тебя твою вонючую шкуру или еще раз не двинул об стенку!

Зуагир проворно вскочил, приняв полусогнутую раболепную позу. Конан одобрительно кивнул и указал на коридор, который привел его в подземный зал.

– Пойдешь впереди меня. Можешь не пугаться, там сидит довольно противная тварь, но бояться ее не следует, это обычный призрак.

– А вот это – нет! – пискнул Самил, дрожащим пальцем указывая туда, где только что светились глаза карликов.

– Что ты имеешь в виду? – не понял Конан и, повернув голову, увидел...

– Проклятые последователи Сета натравили на нас своего демона! – перепугано заныл “новый раб” Конана, прежде никогда не сталкивавшийся с подобными существами.

– Да не бойся ты, – махнул рукой киммериец. – Если карлики поставили охранять коридор, по которому я пришел, обычного фантома, то на большее они вряд ли способны. Смотри. Я сейчас пройду сквозь него, и он не сможет причинить мне никакого вреда.

Никогда не подводивший варвара инстинкт сейчас сыграл с ним злую шутку. Приглядевшись, Конан понял, что ошибся и зря хвастал. Выбредавшее из мрака существо оказалось вполне материальным и принадлежало материальному а не призрачному миру больше, чем хотелось бы киммерийцу. Перед ним стоял, человек – не человек, ящерица – не ящерица, а какая-то жуткая помесь того и другого. Надо полагать, что джавиды хорошо разбирались в людях и знали, что именно может напугать любого.

Но не Конана.

Он спокойно, даже немного с удивлением, оглядывал мускулистую фигуру, один к одному похожую на его тело, однако же покрытую зеленоватой чешуйчатой шкурой.

“Маленькие мерзавцы еще и издеваются надо мной!”

На этом сходство и заканчивалось. Мощный торс демона венчала голова ящера. Из усеянной мелкими зубками полуоткрытой пасти выглядывал блестящий раздвоенный язык, который, как казалось, жил отдельной от хозяина жизнью, крутясь во все стороны и точно что-то вынюхивая. Круглые, ничего не выражающие глаза, холодно смотрели на приготовившегося к бою киммерийца. В правой лапе человеко-ящер сжимал древко оружия, похожего на алебарду, разве что лезвие было выполнено в виде обвивающего пику змея, на хребте которого торчали острейшие шипы.

Конан замер, внимательно следя за каждым движением монстра. Его удивляло, что демон словно не видит своего противника и, крутя головой, озирает зал в поисках чего-то иного, нежели двух людей, находящихся прямо перед ним. Неожиданно, не выдержав напряжения, от которого, казалось вот-вот лопнут нервы, Самил со сдавленным воем кинулся к коридору, на который указывал Конан, как на ведущий к выходу из подземелья. И в этот момент тварь ожила. Молниеносным движением шишковатой лапы она метнула свою алебарду в Самилу. Голова змеи выкованная из тусклой стали, острая как кинжал, с хрустом вошла в спину человека, пригвоздив его к полу. Самил не успел издать даже предсмертный крик. Демон поднял к потолку свою бугорчатую морду и заревел, подобно горному льву. Эхо разнесло его победный клич по мрачным подземельям песчаного раваха.

Затем чудовище, совершенно не обращая внимания на застывшего, будто статуя, киммерийца, подошло к мертвому Самилу, и прижав его ногой к песку, выдернуло пику.

Внезапно Конана осенило – демон способен видеть только то, движется...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Нанести удар первому Конану не пришлось. Демон улавливал даже самое незначительное движение, и когда меч слегка дрогнул в руках киммерийца – он уже изготовился к нападению, зная, что сейчас жизнь зависит лишь от собственной быстроты и ловкости, – чудище сделало стремительный выпад алебардой, заставив северянина отскочить в сторону, одновременно отводя страшной силы удар в песчаный пол. Острие пики проломило корку склеенного слюной раваха песка и вонзилось в рыхлую землю. Пользуясь мимолетным замешательством человеко-ящера, пытавшегося выдернуть застрявшее в полу оружие, Конан рванулся вперед, выставив перед собой меч и надеясь проткнуть противника насквозь. Клинок бессильно скользнул по зеленоватой чешуе, оказавшейся неожиданно прочной. В следующее мгновение тяжеленный кулак демона нанес мощный удар в челюсть киммерийца, который тот не успел парировать. Конану показалось, что песчаный свод пещеры обрушился ему на голову. Варвар, перекувырнувшись в воздухе, пролетел через весь зал. Его полет прервался некстати подвернувшейся стеной...

Киммериец не выпустил из рук меч, и, тем самым спас свою жизнь. Демон, схватив секиру обеими лапами, с угрожающим рыканьем ринулся на сидящего возле стены и растерянно трясущего головой варвара, рассчитывая прикончить его одним ударом. Способность видеть вернулась к Конану в момент, когда острие пики в виде змеиной головы стремительно летело к груди. Монстр зажал древко под мышкой, подобно пуантенскому конному рыцарю, намереваясь поддеть человека алебардой. Привычным движением, не раз спасавшим ему жизнь, Конан поднял меч, защищаясь от удара сверху и инстинктивно отклонил голову, надеясь уйти от смертельного выпада. Высекая искры, стальная змея скользнула по длинному, широкому лезвию меча, и со всей силой, вложенной демоном в удар, вонзилась в стену, к которой прислонился Конан. Раздался треск ломающегося древка, послышались булькающий хрип чудища, напоровшегося всей тяжестью своего тела на клинок, и сдавленное хрипение Конана; не удержавшись на ногах, монстр рухнул на варвара, но тут же вскочил и принялся с сильным визгом кружить по залу, пытаясь выдернуть меч варвара, торчащий из горла.

Киммериец защитил себя бессознательно, повинаясь инстинкту самосохранения, ибо столь сильный удар в голову, какой был получен от подчиненного джавидам демона, мог свалить замертво кого угодно. Оглядевшись в поисках какого-нибудь оружия, варвар наткнулся взглядом на застрявшее в стене лезвие алебарды и лежащий неподалеку кусок расщепленного древка. Пошатываясь, он подошел к валявшимся обломкам и не без труда вытащил некогда грозное оружие. Усмехнувшись, Конан взвесил в руке доставшийся ему “трофей” и подумал, что эта штука больше подошла бы палачу шейха Джагула. Но выбора сейчас не было. Схватив в левую руку кусок древка с торчащими из него в разные стороны острыми щепками, киммериец изготовился к бою, и вовремя: раненое чудовище, скрывшись сперва где-то в темноте, теперь возвращалось, оглашая пещеру громкими хрипами и безуспешно пытаясь выдернуть все еще торчавший в шее меч.

– Надо бы эту тварь остановить, а то уволочет куда-нибудь мой меч, да и сдохнет в подземелье, а я потом ходи и ищи... – вполголоса пробормотал северянин.

Монстр несся прямо на Конана, явно не видя человека и ничего не соображая от боли. Киммериец решил, что на сегодня с него ударов об стенку хватит, и резво отскочил в сторону, огрев при этом обезумевшего демона своим новым оружием по загревку. Человеко-ящер со всего размаха врезался в стену пещеры, как раз в той стороне, где только что стоял Конан, отлетел назад и упал на спину. Торчащий из горла демона меч вонзился еще глубже, причиняя чудищу невероятную боль. Лежа на спине, монстр ухватился своими безобразными передними лапами с бугристыми суставами прямо за лезвие клинка, отхватив себе при этом два или три

пальца и сильно порезав остальные. Темная кровь вязко стекала по клинку и сочилась из порезанных пальцев бьющегося на полу демона.

Даже и не вспомнив, что лежачего бить нехорошо, варвар бросился на него, осыпая градом ударов, не достигавших, однако, цели. Твердую чешую импровизированное оружие пробить не могло, оставляя на ней лишь неглубокие зарубки. Заметив, наконец, прыгающего вокруг человека, ящер, взъярившись, нашел силы подняться на ноги и броситься на противника. Конан каким-то чудом успел увернуться и, растянувшись на полу, замереть, помня, что зеленый урод видит исключительно то, что движется.

“Так... Заколоть я его не могу, тем более той дрянью, что мне досталась вместо меча. Если буду двигаться, рано или поздно это плохо кончится: убить демон меня, может, и не убьет, а вот к стенке приложить сумеет так, что потом месяц не отлежишься! А потом осмелевшие джавиды выскочат из темноты, и прирежут... – чудовище, не видя человека, снова принялось за свои бесплодные попытки выдернуть глубоко засевший клинок, – и что теперь делать?..”

Стараясь двигаться как можно меньше, чтобы не привлечь нечаянным шорохом или слишком резким движением внимание демона, киммериец приподнялся на руках и осмотрелся – не показались ли джавиды? Но маленькие обитатели подземелья не выходили в зал, явно наблюдая за схваткой из безопасного и темного коридора. Зато на глаза северянину попался чадивший факел из числа тех, которые не затоптал метавшийся по пещере человеко-ящер.

“А ведь если света не будет, демон меня не разглядит... Наверное... Зато я-то его увижу! Там и разберемся...”

Отбросив бесполезный обломок древка, Конан стремительно вскочил на ноги, бросился к ближайшему факелу, сбил его и принялся затаптывать. Он успел погасить таким способом уже почти все факелы, когда монстр в очередной раз заметил движение в зале и кинулся на столь долго сопротивляющуюся добычу. Киммериец попытался отмахнуться горящим факелом, но, видя, что попытка обречена на провал, не нашел ничего лучшего, чем ткнуть плавающим оконечьем чудищу прямо в распахнутую, наполненную пузырящейся розовой пеной пасть, пытаясь выиграть хоть немного времени. Случившееся потом поразило даже видавшего виды северянина: факел исчез в бездонной глотке чешуйчатого гада, а мгновение спустя своды пещеры потряс странный звук, напоминающий многократно усиленный хлопок проколотого бычьего пузыря. Там, где только что стоял человеко-ящер, вдруг вспыхнул и, взметнувшись к потолку, моментально погас пламенный шар, а дымящиеся ошметки разлетелись по всему залу.

– А где меч? – мрачно спросил у самого себя Конан, озирая образовавшуюся в середине пещеры изрядных размеров яму и раскиданные вокруг бесформенные куски обгорелого мяса. Один из факелов чудом остался гореть, и, взяв его в руку, киммериец начал обшаривать пещеру. Меч нашелся в другом конце зала, наполовину ушедшим в стену, вокруг лезвия расходились в стороны извилистые трещины. Вытащив клинок, Конан убедился, что оружие почти не пострадало, за исключением едва заметных зазубрин.

Надо было возвращаться. Подземелья раваха и так преподнесли уже много неприятных сюрпризов, а нарываться на новые приключения у киммерийца не имелось никакого желания. Сомневаться же, что джавиды могут снова попытаться пронять незваного гостя, натравив на него что-нибудь подобное вызванному при помощи темной магии демона, не приходилось. Киммериец и так узнал все, что ему было нужно – Мирдани везли в Султанапур, к Турлей-Хану, и искать ее следовало именно там. Ну, и потом, перед глазами Конана так и мерцали десятки тысяч золотых туранских импералов, которые можно было выручить у любого ювелира за кувшинчик из белого золота. И пусть джавиды не мечтают, что их волосатые лапы будут держать сей сосуд – карлика он не нужен, это точно!..

Джавиды, видимо, сообразив, что с Конаном лучше не связываться, присмирели и затаились в темноте, не решаясь показаться на глаза человеку, повергнутому демону, в которого они вложили столько труда и магической силы...

Конан подошел к коридору, ведущему в сторону дворцовых подземелий, и пнув ногой труп Самила, проворчал:

– Стоило обзавестись рабом, как его тут же порешили! Пусть теперь джавиды его и хоронят, а если появится желание, могут и пообедать...

Магия карликов рассеивалась: от фантома, сидевшего в проходе осталась лишь бледная тень, неспособная напугать и ребенка. Киммериец невозмутимо прошел мимо, даже не посмотрев в его сторону. С его звериным чутьем найти обратную дорогу варвар мог бы и в полной темноте, но сейчас он держал над головой последний оставшийся непотушенным факел. Отданный киммерийцу челядинцем шейха фонарик, сорвался с ремешка во время боя и, затоптанный в песок, валялся где-то в потерявшемся позади зале.

Миновав знакомые коридоры, Конан вышел точно к той дыре, сквозь которую джавиды проникли во дворцовый сад крепости Баргэми. Веревка лежала там, где он ее оставил – один конец шнура уходил наверх, откуда в подземный сумрак спускались пыльные полосы солнечных лучей. Подергав за веревку, Конан убедился, что она по-прежнему привязана, и, подпрыгнув, стал взбираться наверх. Глаза варвара настолько привыкли к темноте, что поначалу он едва не ослеп от яркого дневного света. Однако, киммериец смог вовремя различить метнувшуюся к нему тень и, вжав голову в плечи, избежать удара сабли.

– Эй, вы, безмозглые твари! – громко рявкнул Конан, прибавив пару выражений, которые зуагирам знакомы не были, но общий смысл стал понятен моментально.

– Извини, господин, мы не узнали тебя! – нестройным хором ответили стражники, когда Конан, подтянувшись на краю ямы, одним прыжком поднялся на ноги, и его огромная фигура угрожающе нависла над головами зуагиров. Судя по тому, как стражи на него смотрели, варвар понял, что с ним не все в порядке и, оглядев себя, резюмировал:

– М-да...

Вся одежда была изгажена буровато-зеленой слизью, служившей демону кровью. Киммериец совершенно не заметил, что когда монстра разнесла на куски неведомая сила, несколько ошметков его плоти прилипли к новой дареной шкуре, а брызги крови заляпали гриву темных волос. Кроме того, пыль, поднимавшаяся от гулявших по коридорам раваха сквозняков, осела на северянине толстым слоем. Немудрено, что стражники приняли выбравшееся из подземелья страшилище за губительное порождение магии карликов.

– Мне бы помыться надо, – сказал Конан старшему смены, охранявшей вход в подземелье, но в этот момент в дворцовый сад выбежал шейх Джагул, услышавший возглас Конана, и налетел на киммерийца, как песчаная буря.

– Ну?! Что?! Где она?! Она жива?! – срывающимся голосом сыпал невнятные вопросы несчастный старик, мало обращая внимания на внешний вид северянина.

– Я, думаю, что Мирдани жива и, скорее всего, здорова, – невозмутимо произнес Конан.

– Так ты не нашел ее?! – взвыл Джагул.

– Да нет, – пожал плечами киммериец. – Но я знаю, что твоя дочь сейчас находится на пути в Султанапур, к человеку приказавшему ее похитить. Я даже знаю его имя...

– Кто, кто этот сын раваха, зачатый во прелюбодейской связи с гиеной?!

– Его имя Турлей-Хан, – сказал Конан и на всякий случай отошел на пару шагов назад, представляя, какой поток ярости выплеснется сейчас из Джагула.

Несколько мгновений стояла гробовая тишина, а сам Джагул аль-Баргэми наливался тяжелой багровой краской смертного гнева. Конан даже испугался, что с шейхом сейчас приключится то же, что случилось с демоном в подземельях раваха.

– Турлей-Хан?! – прошипел Джагул и сразу же сорвался на истошный крик, от которого с тоскливыми, испуганными криками, похожими на мяуканье, разбежались, суматошно маша коротенькими крыльями, павлины, копавшиеся в кучке сухих листьев неподалеку.

– Я так и знал, что этот змееныш, чье смрадное дыхание оскверняет воздух Турана и коего высидел старый, выживший из ума петух Илдиз, рано или поздно припомнит мне, как я не возжелал породниться с подобной тварью! Этот царский лизоблюд только и думает, где бы набить свое прожорливое брюхо и не менее алчный кошель! Поганный сластолюбец, осквернивший половину супружеских лож Султанапура! Жалкий раб, чей язык почернел от вечного лобызания сапог своего хозяина! О, проклятый бесстыдник, в чьем доме сожительствоуют мужчины с мужчинами и женщины с женщинами, и где он проводит дни в безобразных оргиях, от одного вида которых сам Сет содрогнулся бы! И в этот рассадник порока попадет моя бедная, нежная, невинная Мирдани?! О, нет! Нет!!!

Джагул задохнулся и, прижав обе руки к груди, пошатнулся назад, тут же подхваченный стражами. Лицо шейха побледнело, губы приобрели неестественный синеватый оттенок, на лбу мелкими каплями выступил пот. Он повис на руках перепуганных стражников, запрокинув голову и хрипя. У рта старика выступила вязкая белая пена.

– Что это с ним? – недоуменно проговорил Конан.

– Лекаря! – раздался чей-то истошный крик. Сквозь толпу челяди, прибежавшей вслед за шейхом в сад, протолкался маленький сухонький старичок с огромной замшевой сумкой через плечо и засеменил к Джагулу, заботливо уложенному на плащ одного из воинов.

Глядя, как лекарь хватается шейха за запястье, смотрит в закатившиеся глаза, суетливо роется в сумке, сует под нос повелителю какие-то пузырьки, Конан подумал: “Да, пожалуй, шейху Джагулу уже никто не поможет. Хватил удар беднягу... Жаль, конечно, забавный был старикан, дочку свою любил... Кстати, дочка! Гнаться мне теперь за ней или не стоит? Турлей-Хан, судя по выражениям шейха, мерзавец неопиcуемый, и Мирдани в его гареме делать совершенно нечего. Да и сосуд этот загадочный, опять же... Ладно, обещания следует выполнять, хотя бы из уважения к покойным.” Последнюю мысль Конан едва не произнес вслух, всмотревшись в осунувшееся лицо и остекленевшие глаза Джагула. Лекарь продолжал еще делать вид, что предпринимает все усилия для спасения господина, но сам уже понял, что шейх Джагул аль-Баргэми ныне на пути к Серым Равнинам, куда ведут все земные дороги.

Вдруг, немилосердно расталкивая толпу, к телу шейха подбежал человек в запыленной дорожной одежде зуагиров, склонившись над ним, пристально всмотрелся в окаменелое лицо и медленно, будто с тяжким усилием, положил руку на полуоткрытые мертвые глаза Джагула...

Не став дожидаться трагической сцены, которая неминуемо последовала бы за заключением лекаря объявившего о смерти владыки, Конан прошел через сад во дворец. Воспользовавшись тем, что большинство слуг еще ничего не знало, он выяснил, где может смыть с себя следы боя с демоном, и сказал, чтобы ему принесли обед. Хорошенько отмокнув в напичканном всевозможными благовониями бассейне и облачившись в новые одежды, принесенные рабами, варвар приступил к трапезе, которая оказалась не столь изысканной, как вчерашняя, но все же по-восточному щедрой. Ему накрыли прямо возле бассейна, в одной из уединенных частей дворцового сада. Старательно обглаживая баранью лопатку, киммериец строил планы на оставшуюся часть дня. Безусловно, было необходимо выехать из крепости Баргэми как можно быстрее и направиться в сторону Султанапура, тем паче, что сейчас у Конана имелось все необходимое: добрый конь и куча денег. Единственно, необходимо было выяснить у того, кто займет место шейха Джагула, нужна ему Мирдани или нет.

“А если нет? – мелькнула мысль. – Еще чего доброго, потребуют назад денежки... Так я их и отдам!”

Словно в ответ на его мысли, возле бассейна появился высокий и статный мужчина лет сорока – сорока пяти в окружении троих зуагиров в белоснежных нарядах, вооруженных свер-

кающими обнаженными саблями. Лицом он несколько походил на Джагула – надо полагать, что почивший шейх был таким во дни молодости. Суровые темные глаза в упор смотрели на киммерийца, лицо от виска и до подбородка пересекал узкий сабельный шрам, терявшийся в черной с серебристой проседью бороде. Судя по грозному виду явившегося зуагира, и готовому к бою оружию телохранителей, можно было подумать, что они пришли схватить Конана и заточить его в темницу. Только вот за что? На всякий случай, киммериец положил ладонь на рукоять меча, с которым не расставался ни при каких обстоятельствах, и спокойно посмотрел в глаза незнакомцу. Он узнал человека, который закрывшего глаза покойному шейху в саду.

– Ты ли Конан из Киммерии? – красивым баритоном осведомился бородастый.

– Может, и я, – осторожно ответил варвар, решив пока не говорить лишнего.

– Мое имя Джафир аль-Баргэми. С этого дня я – шейх нашего рода.

“Ну, вот, начинается... – тоскливо подумал Конан. – Сейчас потребует назад деньги – мол, это все папашины дела, а я про них знать ничего не желаю. Вот всегда так! Но получит этот новоявленный шейх *мое* золото исключительно через мой труп. А скорее всего, через свой.”

Мрачные предположения Конана, к счастью, не оправдались. Джафир чуть склонил голову, приветствуя киммерийца, сел рядом с ним и жестом руки отослал стражу. Конан, однако, не убрал ладони с гарды меча.

Помолчав немного, Джафир заговорил:

– Как ты можешь видеть, чужеземец, в минувшие дни Кемош послал нашему роду множество испытаний. Наши души скованы цепью несчастий, начавшихся с того злосчастного часа, когда караван отца прошел над жилищем раваха, да будет семя его проклято всеми богами! Затем под покровом тьмы в дом наш пробрались мерзкие джавиды и, принеся смерть многим воинам рода, похитили возлюбленную сестру нашу Мирдани. И вот теперь весь род Баргэми оплакивает своего любимого шейха, который в течении многих и многих лет защищал нас от врагов наших, и укрывал детей своих, подобно орлу, простирающему крылья над птенцами своими...

Бесшумно появившиеся рабы принесли и поставили рядом с ними еще один столик с легкими угощениями и вином и столь же незаметно удалились.

– Мне очень жаль, Джафир, – сказал Конан попытавшись изобразить на лице сочувствие. – Ты что-нибудь хочешь от меня?

– Отец наш шейх Джагул щедро заплатил тебе, Конан, за то, чтобы ты вернул Мирдани в лоно родного дома. Когда ты сможешь исполнить обещанное?

– До Султанапура полный день пути, а похитители и Мирдани, скорее всего, уже в виду городских стен.

Джафир удивленно поднял бровь, и Конану пришлось рассказать новому шейху все, что произошло в подземельях раваха и передать ему признание Самила.

– Я всегда не доверял этому мерзавцу, – мрачно заметил Джафир. – В Царстве Теней он будет самым последним рабом Нергала! Что ты собираешься делать сейчас, варвар?

Последнее слово Конан пропустил мимо ушей, потому что давно уже не обижался, когда его так называли. Он считал, что варваром быть ничуть не хуже, чем, скажем... зуагиром.

– Я? – прогудел Конан. – Пожалуй, отправлюсь в Султанапур прямо сейчас. Я хорошо отдохнул и поел. Только вот э... плащ бы неплохо новый, а то старый... загажен порядком.

– Плащ? – уголком рта усмехнулся новый шейх, помнивший, что Конан сменил уже как-то вонючую шкуру горного льва на великолепный мех леопарда, а последний – на шкуру барса. Если дело и дальше пойдет так, то придется заводить в Баргэми специальный зверинец, в котором будут выращивать всяческих красивых зверей на плащи киммерийцу. Разорение! – Ну, будет тебе плащ... варвар! – Джафир щелкнул пальцами, и вскоре Конан, скрыв досадную гримасу, накинул на плечи шкуру киммерийского лесного медведя. При этом Джафир, сделав серьезное лицо, поведал северянину о том, что ему дарована очень дорогая шкура редкого

северного зверя, купленная за внушительную сумму у купцов, побывавших в далеких холодных странах. Конан оценил по достоинству тонкий юмор Джафира и с ехидной усмешкой сказал:

– Спасибо, шейх. Я таких редких северных зверей, – эти слова он выделил голосом, – в свое время словно крыс давил, а их шкуры, что покупаются за баснословные суммы у проход-торговцев, у нас в Киммерии валяются в каждом доме, и на них спят охотничьи собаки...

– Ну, и прекрасно, – едва сдерживая улыбку, ответил Джафир, – пусть этот плащ напоминает тебе о родине.

Конан не стал продолжать обмен колкостями и не без удовольствия отметил, что, наконец-то, встретил в крепости Баргэми хотя бы одного нормального человека, с которым можно иметь дело. Кивнув головой шейху, варвар поднялся и собрался было уходить, но сильная рука Джафира легла ему на плечо. Конан обернулся.

– Послушай, варвар, я знаю про вашу сделку с отцом. Знаю, что он не дал тебе еще пять тысяч золотых, вручив в обмен какую-то магическую безделушку. Я немного разбираюсь в... э-э... магии и не верю будто никчемный кинжал может тебе помочь больше, нежели золото. Так что, перед тем, как отправиться в путь, зайди к казначею и возьми у него вторую половину денег. А кинжал оставь себе в память об шейхе Джагуле аль-Баргэми. Я надеюсь вскорости снова увидеть тебя... В день, когда ты привезешь Мирдани в этот дом, как я полагаю, целой и невредимой...

– Кстати, – с некоторым смущением сказал Конан, – не объяснишь ли ты мне, зачем это твой покойный отец показывал мне Мирдани, позволил открыть ей лицо, и ясно намекал, что хотел бы видеть меня своим родичем? А потом сказал, будто Мирдани обещана в жены сыну эмира Шангары...

Джафир одарил Конана дружеской белозубой улыбкой, хитро подмигнул и ответил:

– Видишь, у меня много сестер, большинство из которых не замужем, а выдать их за кого-либо довольно трудно... Они, хм, мало похожи на Мирдани. Вот отец и показывал всем возможным женихам, и даже, – Джафир вздохнул, – Турлей-Хану, именно ее, как самую красивую из сестер, подразумевая, что все его дочери таковы и даже еще лучше, ведь эта – последняя... Пара-тройка простаков купились на его нехитрую уловку и взяли в жены старших сестер Мирдани, которые, я скажу тебе, достаточно безобразны. Ну, что ж, теперь ты все знаешь. Я буду ждать от тебя вестей. Удачи тебе, варвар!

С этими словами Джафир повернулся и быстро пошел прочь от бассейна. Киммериец посмотрел ему вслед, сказав вполголоса:

– А он парень не промах... Будь шейх свободным человеком, мы бы с ним могли дел натворить...

Конан был глубоко убежден: те, у кого есть семья и какая-либо должность, обречены жить в своем маленьком мирке, и ничего интересного в их жизни произойти не может. Такие люди, в большинстве своем, и не хотят приключений. Киммериец даже слегка посочувствовал Джафиру, который теперь навсегда привязан к затерявшемуся в пустынях Турана оазису.

Конан вышел в сад и осторожно пробравшись мимо убитых горем многочисленных жен почившего шейха, собравшихся в кружок и оглашавших двор рыданиями и причитаниями, прошел по знакомой ему тропинке к казначейству.

Новый шейх не обманул варвара, и казначей с кислой миной выгреб из огромного сундука несколько горстей золотых монет, затем медленно, точно прощаясь с каждым желтым кругляшом, под пристальным взглядом Конана отсчитал нужную сумму, и ссыпал в кожаные мешочки. После чего, заложив руки за спину и задрвав подбородок, отошел в сторону, не желая видеть, как удостоившийся неслыханной милости от молодого и не знающего цены золоту шейха северный дикарь, присваивает себе то, что так долго, так мучительно собиралось и ревниво оберегалось при жизни славного, доброго Джагула. А Конан без всяких угрызений сове-

сти, но с невозмутимым видом человека, получившего достойную оплату за честный труд, сгреб мешочки в охапку, тем более, что он видел, насколько велико было богатство рода Баргэми и сколь ничтожно малы по сравнению с бездонными сундуками десять жалких кусочков кожи наполненных золотом, которые теперь будут лежать в седельной сумке гирканийского жеребца. Напоследок Конан не удержался и поддел надувшегося казначея:

– А ты уверен, что здесь нет фальшивых монет? Может быть, стоит проверить?

Казначей, обернувшийся на эти слова, застыл с открытым ртом, не в силах вымолвить и слова, а северянин только рассмеялся и, довольный, покинул сокровищницу Баргэми.

* * *

Огненный край дневного светила только что скрылся за неровной горной грядой. Лучи его золотым веером прорезали полосу облаков над горизонтом, подсветив их снизу яркой охрой. Небо наливалось густой вечерней синевой, слепящий белый цвет песков смягчился до оттенка старой бронзы, и теперь взгляд отдыхал, скользя по плавным волнам барханов. Дневная жара медленно уползала, скрываясь в их глубинах, сменяясь легкой вечерней прохладой – наступило то время суток, которого ждет каждый путешественник в пустыне. Скоро пески накроет черным пологом ночь, и ее холодное дыхание развеет остатки дневного тепла, которое вновь народится только с восходом солнца.

Одинокий всадник на буланом коне двигался в сумерках к побережью моря Вилайет, где стоит торговый город Султанапур – северный оплот Империи Туран.

Конан оглядывал окрестности в поисках места для ночлега и, наконец, различил в сгущающейся темноте очертания полуразрушенной башни, некогда служившей сторожевым постом туранского войска, а заодно и маяком для заплутавших караванов. Пустив коня рысью, Конан приблизился к развалинам и спешил. Накинув повод на один из сохранившихся в стене башни железных крюков, видимо, служивших коновязью, он осмотрелся и, поняв, что находится здесь один, без опасения вошел вовнутрь через отверстие, бывшее когда-то входом. Оказавшись на первом этаже древнего строения, варвар догадался, что здесь не так давно кто-то побывал: на полу чернело свежее кострище, а у стен была свалена огромная куча сухих колючек, предназначавшихся для костра.

– Вот и славно, – сказал сам себе Конан. – Спасибо неизвестному, позаботившемуся о моем ночлеге.

Бросив охапку колючек на пятно кострища, киммериец заметил, как под слоем золы еще тлеют несколько угольков. Обрадовавшись, что не придется доставать кремь и мучиться с высеканием искры, Конан, набрав в легкие побольше воздуха, раздул огонь, и, когда костер как следует разгорелся, решил поесть, благо в Баргэми его щедро одарили всевозможной снедью. Разложив еду возле костра, Конан устроился поудобнее на каменном полу, расстелив шкуру “редкого северного зверя”, и собрался было откупорить кувшин с вином, как вдруг приметил у дальней стены нечто белеющее в полумраке. Конан отставил кувшин, встал и подошел поближе. У его ног лежал обрывок белой кисеи, украшенной по краю узором, вышитым золотыми нитями. Северянин без труда узнал покрывало, которым защищала от нескромных взглядов свое обворожительное личико Мирдани.

– Что ж, я на верном пути, – сказал Конан, нагнувшись, поднял кусочек ткани и положил его за пазуху.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Султанapurский базар шумел. Сотни рядов пестрели всем, что только мыслимо и немислимо продавать, покупать и обменивать. Нескончаемой вереницей сменяя друг друга, коженый, посудный, ювелирный, кузнечный, сапожный, скорняжный и десятки прочих рядов кипели жизнью. Золотые и серебряные монеты, звеня, перетекали из рук в руки в обмен на самые разные, нужные и не очень, товары.

Первые мгновения попавший в этот цветистый водоворот человек терялся, не зная, на чем остановить взор: на чеканных ли серебряных блюдах из Хоарезма, дивных рубинах, мерцающих подобно спелым семенам граната, в несравненных женских украшениях из Вендии; похожей на эбонитовую статуэтку чернокожей рабыне, привезенной из Зембабве, или же на воздушных кхитайских шелках, поражающих своим многоцветием и изумительной легкостью. Продавцы нахваливали свой товар на всех языках и наречиях, всеми возможными способами привлекая внимание к своим палаткам. Торговец из далекого Кхитая с ловкостью фокусника продевал широкое шелковое полотнище сквозь колечко, которое едва бы смогла надеть на мизинчик десятилетняя девочка; оружейники выгибали крутой дугой тонкие узкие сабли, пытаясь коснуться острием оконечья рукояти, а один аграпурец, распалившись, под восторженные возгласы столпившихся вокруг зевак, принялся сбривать свою бороду огромным двуручным мечом, который был почти с него ростом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.